

Серия “Сказки тёти Трау”
Братья Гелл и Агл

СКАЗКИ после лестницы

Братья Гелл и Агл
Сказки после лестницы

«Издательские решения»

Братья Гелл и Агл

Сказки после лестницы / Братья Гелл и Агл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502677-4

Что такое Дом и его Жители? Это — строение, в котором все живут? Или это — Жизнь всех и сразу, происходящая в нем? Или это — Миры, где мы все когда-то бывали, есть и будем опять? Или Место в Пространстве, где каждый создает свое Волшебство и где главное — Любовь... У каждого Дома есть своя Душа и свое мнение о происходящих событиях. И оно не всегда может совпадать с мнением и поведением жильцов. Ведь в Домах жить могут все: люди и не люди; драконы, эльфы, гномы, тролли, феи, мавки, дриады...

ISBN 978-5-00-502677-4

© Братья Гелл и Агл
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Позади лестницы	6
Часть вторая. Рождество	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сказки после лестницы

Братья Гелл и Агл

Иллюстратор Т. Федорова

Корректор О. Куликова

© Братья Гелл и Агл, 2019

© Т. Федорова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-2677-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Позади лестницы

Это были самые невероятные осенние каникулы.

Жанна еще долго вспоминала, как провела их в Доме тети Трау.

И, пусть многие вопросы так и остались не обсужденными, Жанна больше не думала о странных происшествиях в Том Доме.

Почти наступило Рождество.

Жанна стояла в книжном магазине, выбирая себе книгу в подарок – другие подарки ее не интересовали.

«Какие сказки лучше? О рыцарских турнирах? Или о вечной любви? Хотя, рыцари тоже любили», – подумала Жанна.

Морис прислал ей смешную открытку на Рождество. На ней сидел белоснежный кролик, а два других катили санки с шишками.

Морис недавно пошел в художественную школу и сам нарисовал открытку для Жанны.

«Но, познакомился там с какой-то девочкой... Морис пошел в художественную школу! Не сбивайся Жанна!» – приказала себе девочка.

Его успехи были очевидны. Жанна на самом деле рассчитывала, что тетя Эбба пригласит ее с мамой, или без мамы, побыть в ее доме на праздник. Но в этом году не поступило никаких приглашений.

И это было отчасти странное совпадение, потому что тетя Трау тоже не пригласила Жанну с мамой, или без нее. Хотя обычно они проводили зимние каникулы в доме тети Трау.

Жанна не сильно расстраивалась. Она хотела посвятить зимние каникулы чтению и фотографии. Последнее время ее стали привлекать белые заснеженные пустоши за их новым домом. В городе ей интересно не было, да и мама постоянно находилась там. А в маленьких городках лучше хоть где-то бывать без мамы.

Жанна на самом деле была не очень довольна переездом. Мама смогла купить дом только там, так как дела ее уже давно шли не очень гладко.

Жанна знала, что мама недавно ездила навестить тетю Трау, но вернулась оттуда не в настроении. Жанна жалела, что не узнала об этом перед тем, как мама вернулась назад. Она бы могла поехать с ней. Но Хелле Ридель мало занимали подчас те вещи, которые должны занимать мать. Замок всегда манил Жанну в зимнее время, тем более, если учесть, что теперь Жанна решила фотографировать только белое и на белом.

Но и Рождество, скорее всего, будет одиноким, потому что мама собирается куда-то уехать с новым кавалером, которого Жанна даже ни разу не видела.

«Аддлер совсем не приезжает», – подумала девочка.

Он никогда сильно не тяготел к семье. Тем более, не особо общался с Жанной. Да и родственники они были только наполовину, и, вот эта другая половина, с Жанной, очевидно, общаться не особо хотела. Все равно она отправила ему поздравительную открытку.

Мама сказала, что он обосновался в большом городе, скоро получит первую работу и у него теперь есть девушка, Николь. Она очень красивая. Красивая француженка. Жанна сомневалась, что Николь – хорошая француженка! Ведь она не догадалась подсказать Аддлеру прислать открытку на Рождество маме и Жанне в новый дом.

Новый дом тоже был не настоящим французским домом, в котором родилась Жанна когда-то, жарким летом.

Жанна скучала по старому дому, но старалась просто удержать самые светлые воспоминания о нем в своей памяти. Теперь уже не больше.

В итоге Жанна выбрала книгу о старом волшебнике, который жил на опушке леса. Без любви, и без турниров. Точно такой, как она.

– Интересный выбор... Я читала ее в детстве...

Жанна оглянулась, услышав голос тети Трау, но ее и близко не было. И не могло быть тут.

Жанна совсем загрузила. Она знала, что праздник будет тихим. С ней придет посидеть пожилая соседка София, и они съедят по имбирному пирожку с чаем. Она знала, что хотела бы слышать голос Трау, но он поговорил с ней только в ее голове.

– Хороший выбор, – сказала продавщица, и протянула Жанне сдачу.

– Веселого Рождества!

– Веселого Рождества, – пробормотала Жанна в ответ.

Дорога домой заняла около получаса.

Жанна не спешила назад, ведь там было темно – свет еще не провели, и довольно пусто. В старой ванной стоял сундук, на нем лежало выцветшее покрывало. И в кухне стоял старый стол, а на нем красивый сиреневый чайник. Все, что осталось от красивого сервиза, который Жанна видела раньше каждый полдник. В самом первом и самом красивом, не считая Дома тети Трау, доме в ее жизни. Том французском доме, которого давно нет.

По дороге она купила пару булочек, виноградный сок и лимон. В лавке газетчика забрала проявленные фотографии, которые проявлял его сын в комнатке наверху.

Фотографии Жанне не понравились, экспозиция нарушена, свет и тень танцуют. Немыслимый танец. Половина засвечена и попросту не удалась.

«Мне еще долго учиться», – вздохнула Жанна. А тем временем, на проявку этих фото, она потратила часть своих маленьких сбережений.

Жанна выкинула фото в мусорку, неподалеку от поворота на ее улицу. Их новый старый дом все также стоял под дубом и поглядывал на Жанну из-под покосившейся крыши.

«Он даже не подмигивает», – подумала девочка. – А вот Дом тети Трау – просто волшебник-весельчак». Жанна вспомнила про домового и присела на замерзшие качели возле своего дома. По щекам покатились слезы. «Даже тетя Эбба не захотела приехать и навестить меня», – обиделась Жанна.

Она замерзла, и уже начало темнеть.

Жанна нехотя вошла в дом и зажгла свечу. В доме чем-то пахло. Чем-то странным, но вкусным. В животе у Жанны заурчало. Она побежала на кухню.

В темноте, перед грязным занавешенным окном, стояла высокая худая фигура и чавкала. Это был точно чавкающий звук. Никакой другой, а именно чавкающий, и такой приятный.

«Потому что кушать хочется», – одернула себя Жанна.

Фигура явно ела что-то странное – это оно так пахло. В коробочке... со спицами. Девочка раньше не видела, чтобы так подавали еду. Жанна даже почти испугалась, когда фигура обернулась и включила стоявший на столе огромный фонарь.

– Эта китайская еда очень интересная на вкус, Жанна! Я и тебе прихватила. Да, в наше время мы такого и не пробовали, а теперь все по-новому.

Знакомая длинная челка, красивый берет, и невероятно веселые карие глаза.

– Тетя Трау! Ты приехала!

Жанна решила, что это какой-то рождественский сюрприз, и кинулась обнимать Трау.

За окном заурчал двигатель мотора.

– Мама приехала, – подумала Жанна. Но ей стало все равно. Ведь тетя Трау тут. И все будет хорошо.

Мама простучала каблуками по обледеневшим ступенькам в дом и распахнула дверь.

– Жанна, солнышко, ты дома? – крикнула она в темноту.

– Мама, мама! Тетя Трау приехала! Ты знала!? Вот это сюрприз! Самое лучшее Рождество!

– Кто приехал...? – мама остановилась на пороге.

– Мам, ну тетя Трау!

– Как же...? – мама так и стояла на пороге.

– Привет, Хелле. Как дела? – тетя Трау тоже остановилась на почтительном расстоянии от мамы.

– Да, ничего – сказала мама, и подошла к Жанне на два шага, приобняв ее.

Жанна теперь точно знала, что они поссорились во время последней маминой поездки в замок.

– А там как...? – спросила мама.

– Да, как обычно. Я приглашаю Жанну...

Мама оборвала тетю Трау.

– Зачем...?

– Ей скучно.

– Мамочка, мне и правда скучно! Тем более, ты уезжаешь! Можно я поеду с тетей Трау?

– Ей скучно, – мама как-то неловко засмеялась. И молча прошла в кухню. Выключила фонарь, зажгла две свечи, и поставила чайник на плиту.

– Ну, хоть чаю выпьешь...? На улице холодно. А хотя нет, тут только на одну чашку.

И мама посмотрела в упор на тетю, а тетя на нее.

– А она знает, кхм... знала...?

– Я не знала, мама, – забеспокоилась Жанна. —Я только что узнала и хотела попросить тебя отпустить меня на Рождество к тете Трау.

– Да ну... – как-то странно произнесла мама.

– Нет, она не знает, – ответила тетя Трау.

Жанна сразу нафантазировала какой-то особенный сюрприз или секрет после такого ответа.

– Я оставлю ключи под старым треснувшим горшком, если что там, ну... – и мама, махнув рукой, пошла наверх по лестнице с чашкой чая и одной свечой.

«Мы остались стоять с тетей в полутемной кухне, – писала Жанна Морису. – Мама странно вела себя в тот вечер и, скорее всего, просто приболела – потому у нее и не было настроения».

Тетя Трау посмотрела на Жанну.

– Давай, скорее, собирай чемодан и поедем. Поезд через полчаса!

Пока Жанна тащила вниз свой маленький чемодан, наверху, в это же самое время, произошёл самый короткий разговор в истории дружбы двух женщин.

«Мамы и тети Трау», – подумалось Жанне.

Она слышала, как тетя поднялась по лестнице и тихонько постучала в комнату к маме. Мама что-то пробормотала из-за двери, и тетя зашла.

– Я и сама могу позаботиться о ней, – сказала мама, немного выше и нескладнее, чем говорила обычно.

– Ты не можешь о ней позаботиться, – как-то грубо и глухо ответила тетя.

Они попрощались, и тетя сбежала вниз по лестнице.

– Пойдем? – спросила она веселым звонким голосом.

– Мама...? – робко пропищала Жанна на второй этаж.

Но мама промолчала. Мама даже не спустилась проводить Жанну и тетю Трау.

На дороге стоял блестящий мотоцикл.

– Мы поедем на нем? – закричала Жанна.

– На нем.

– Я его не заметила, когда заходила в дом, – пропела Жанна.

– Это все настроение, – ответила тетя Трау.

«Тетя Трау – самая лучшая не мама на свете. Она умеет водить даже мотоцикл, и у нее красивые кожаные перчатки и меховой шлем», – восторженно писала Жанна Морису в письме.

До станции Жанна и Трау доехали за десять минут. По дороге тетя купила в булочной багет и две булочки с сахаром. Жанна хрустела багетом в первом классе, на бордовом велюровом сидении, и смотрела в окно. За окном трое мужчин грузили мотоцикл тети Трау в вагон для лошадей, и тетя недовольно рыла сапогом землю, постоянно прикрикивая на них.

Еще через 10 минут поезд загудел и тронулся в путь. Жанна устроилась под окном с новой книгой; а тетя закрыла глаза и, казалось, уснула.

– Доброе утро Жанна! Просыпайся, мы приехали. – тетя была, как всегда, бодрая, и радостно трясла Жанну за плечо.

Жанна выглянула в окно. За окном уже стоял блестящий мотоцикл. Было настолько ослепительно яркое и солнечное утро, что у Жанны сразу поднялось настроение, и она, соскочив с сиденья, схватила чемодан и пошла к выходу следом за тётей.

Почти час они ехали по белой заснеженной равнине. Потом через какое-то поле, потом снова по равнине. Жанна была очарована красотой этих мест. Эти места нравились ей в любое время года; но в этом году Жанна особенно полюбила зиму.

– Хочешь, остановимся? – спросила тетя. – Мы уже скоро приедем. Очень удобное расположение станции. Всего полчаса и мы дома.

Жанна подумала, что просто немного замерзла. Ведь ей казалось, что они едут уже довольно долго.

Сегодня утром тетя была необычайно бодра и весела, даже слишком. Но Жанне это все равно нравилось. Мотоцикл остановился, и тетя достала из сумки через плечо фотоаппарат.

– Тебе ведь нравится фотографировать? – спросила она, улыбаясь, и протянула Жанне фотокамеру.

– Вчера утром я купила новую фотопленку. Она с нетерпением ожидает твоих новых белых шедевров, – сказала тетя.

Жанна на миг нахмурилась.

– А откуда вы знаете, что я фотографирую снег?

– Так ты сама мне рассказала в поезде. По дороге... – сказала тетя и протянула Жанне пачку примятых фотокарточек.

– Это же мои! – воскликнула Жанна. – Где вы их взяли?

– Это все еноты, – заговорщицки подмигнула тетя.

Жанна, воодушевленная новой возможностью снимать на фотокамеру, напустила на себя очень важный вид и широко расставила ноги, устремив взгляд в поле с видом знатока.

– Если хочешь, чтобы фото было удачное, необходимо так навести объектив, чтобы, для начала, и не стоять спиной к солнцу, и не лицом к нему. Наводить лучше не только на снег, но и на какие-то предметы рядом. Поэтому лучше выбрать на равнине или в поле какой-то дополнительный объект – маленький куст или небольшое деревце, и захватить, в том числе, и небо. Прекрасно, если по нему еще будут плыть облака.

Жанна щелкнула затвором.

– Получится хорошо, но немного смажется куст, – задумчиво протянула тетя. – Ты слишком быстро отдергиваешь руку. Мы еще поучимся работе с фотокамерой. Вечером пойдем проявлять фотографии под лестницу.

Жанна никогда не проявляла фотографии самостоятельно и была счастлива попробовать это в первый раз.

До Рождества оставался один день, но Жанне казалось, что праздник длится уже целые сутки и дальше будет только интересней. Они подъезжали к замку, который искрился на солнце и, точно, радовался вместе с ними приезду Жанны. Весь путь – от подъездной дорожки к главным дверям, по снегу за ними бежали мохнатые еноты. Жанне было радостно снова окунуться в осенние воспоминания. Один енот остановился прямо посреди дорожки: на его шее висел коричневый ошейник с золотой лапкой. Жанна, конечно, не сразу узнала своего маленького

осеннего любимца. Ведь прошло уже несколько месяцев с того момента, как она последний раз посещала Дом тети Трау. Но он сам подошел к ней, стал перебирать лапами и проситься на руки.

– Мы подобрали ему красивый ошейник, – произнесла тетя Трау. – Его зовут Герр.

По дорожке от входной двери к Жанне подбежал толстый котенок. Он выглядел странно и несуразно. У него была маленькая голова с огромными ушами, с кисточками как у лесных белок, и большие заячьи лапы. Он смешно перебирал ими по снегу и спешил к еноту и Жанне.

– Это пока он такой, – сказала тетя Трау. – Скоро он будет больше Герра. Его зовут Цулифер. Он вырастет большим мохнатым котом.

У Цулифера на шее тоже висел коричневый ошейник с золотой лапкой. Жанна раньше не знала, что тетя Трау так любит домашних животных. В этот момент тетя Трау немного нахмурилась и сжала губы.

– Она идет, – сказала тетя Трау. – Ладно, Жанна, ты умеешь хранить секреты?

– Да, конечно, – с готовностью выпалила Жанна.

– А большие секреты? – уточнила тетя Трау.

Жанне никогда не доводилось раньше узнать про чей-то большой секрет, но она напустила на себя важный вид, и спокойно и уверенно произнесла:

– Да!

– А очень большие секреты, ты умеешь хранить, Жанна? – снова спросила тетя Трау. Жанна немного засомневалась насчет очень больших секретов, но все равно утвердительно кивнула.

– Ну, хорошо, – немного неуверенно произнесла тетя Трау.

Жанна с интересом посмотрела на нее и снова подумала о каком-то очень большом сюрпризе.

На деле сюрприз оказался не просто большим, а огромным. А секрет, про который спрашивали у Жанны, не очень большим, а просто гигантским. Но обо всем по порядку.

Входная дверь в замок приоткрылась и, еще через пару секунд, стала причиной увеличения глаз Жанны до размеров блюдца.

Из двери, в красивом голубом платье, вышла... тетя Трау!

И уставилась на всю человеческую и хвостатую компанию. Стоит признать, что у тети Трау глаза тоже были размером с блюдце. И вообще, такие эмоции тетя выражала, на памяти Жанны, тоже впервые.

– Ну, вот и сюрприз! – пробасил голос над ухом Жанны, и засмеялся.

Тетя Трау так и стояла, застыв в дверях. А Жанна, почему-то, боялась поднять голову вверх. Впрочем, еще через пару секунд, тетя Трау пришла в себя и заговорила с Жанной.

– Привет, Жанна! Как там мама поживает? – спросила женщина.

Жанна, все так же, не поднимая головы, тихо пробормотала в ответ, что у мамы все хорошо, и она куда-то уехала. Тетя Трау неодобрительно поджала губы. В этот момент, причина того, почему Жанна уже пару минут не поднимала голову, устремилась к тете Трау, развешивая фантазию о том, что Жанна опять что-то придумала.

– И как ты ее привез? – спросила Трау у «причины».

– Хелле сама разрешила мне. У нее, кстати, дела идут не очень. Ты бы ей хоть написала, – произнесла «причина».

– Понятно, – протянула тетя Трау.

– А что с девочкой делать? – спросила она.

Жанна подумала, что так спрашивают гангстеры в американских фильмах друг у друга, когда кого-то хотят отправить на дно океана. Жанне не очень хотелось на дно океана. Она уже решила со всей серьезностью сообщить, что она до смерти будет хранить гигантский секрет и, даже когда она будет старой бабушкой, а это обязательно случится, она никому не расскажет,

что случилось сегодня утром. Хотя, в фильмах про гангстеров жертве это не помогало. Мужчина отошел от Трау и пошел, улыбаясь к Жанне. Он остановился недалеко от нее и протянул ей руку енота.

– Я... – начал он.

– Это – Фердинанд Франц Генрих Айхенвальд, по совместительству, мой брат, – закончила Трау. – В общем, дядя Эрди, – продолжила Трау.

Теперь, конечно, Жанне многое было понятно по части неотвеченных осенних вопросов. Она, конечно, даже увидела небольшую разницу между голубым платьем и дорожным костюмом дяди Эрди.

– Вы – близнецы, – сказала Жанна. – Теперь понятно, кого видела Виола в ту ночь, и я возле озера. Это ведь были вы, Фердинанд?

– Это почти всю ночь был я, – засмеялся Эрди.

– Пойдемте в дом, – сказала Трау. – Там и поговорим.

Заходя в дом, Жанна снова посмотрела на парочку и сказала:

– Вы – вторая часть фотографии – и отчего-то засмеялась.

– Да, и это тоже я – ответил ей Фердинанд.

– А мама знает об этом? – спросила Жанна.

– Твоя мама даже знает, кто тебя забирал – ответила тетя Трау.

– А можно вас рассмотреть? – спросила Жанна.

– Да, но только за обедом – еще теплее улыбнулась тетя.

«И все же, – подумала Жанна, – как странно, что она, несмотря на поразительное сходство, поразительную одинаковость, скорее... – писала она позднее, тем вечером, в письме Морису, – не поняла, что с ней ехал мужчина».

– Это определенные проделки Эрди, Жанна, – сказала тетя, внимательно посмотрев на нее.

«А как же голос!?» – подумалось Жанне.

– А, это тоже его умение, – сказала тетя.

Жанна внезапно нахмурилась.

– Вы делаете это так же, как и Морис. Я этого не люблю!

– Что я делаю, Жанна? – мягко спросила тетя.

– Вы говорите о том, о чем я думаю.

– Но, я ни слова не сказала, Жанна, – подмигнула ей тетя.

«Как...?» – снова подумала Жанна.

– Поднимайся наверх, прими ванну и возвращайся на кухню. Да, кстати. Когда мы вдвоем в замке, мы обедаем в старой большой кухне внизу.

– Это там, где кот в шарфе... – вдруг сказала Жанна.

– Это там, Жанна. Сейчас он без шарфа, там довольно жарко из-за пирожков.

– Пирожки! – сказала Жанна, обрадовавшись пирожкам. В животе заурчало.

«Я ведь даже еще не завтракала!»

Жанна пробежала по холлу первого этажа к лестнице наверх. Отчего-то ей казалось, что Дом сегодня совсем другой. Он какой-то яркий и проказливый.

Жанна побежала по лестнице. И тут же замерла.

На люстре, под потолком между пролетами, висели домовый и енот. Они спорили.

– Она сказала, золотое свечение!

– Она сказала, зеленое!

Енот с домовым так жарко спорили о свечении, что ничего не замечали вокруг. Жанна подумала, что ей кажется.

– Какая нахалка! – произнес домовый. – Я ей столько времени подарил осенью! А ей кажется!

– Какая наглость! – произнес енот и поднял хвост.

Жанна поспешила извиниться.

– Простите, господа! Я всегда рада вам в своем воображении. Но мама всегда говорит, что нужно повзрослеть!

– В Вашем воображении, мадемуазель? – спросил домовой. – Я всего лишь удостоен жить в вашем воображении. Боюсь, для меня там будет тесно.

– Крайне там тесно, – проворчал енот. – Я проверял!

И прыгнул с люстры вниз. Он быстро подскочил к Жанне и достал из ее сумки фотокамеру.

– Смотри! Это ее!

– Жанна! Ты, видимо, особенная девочка, раз Трау подарила ее тебе.

– Ну, это дядя Эрди – протянула Жанна неуверенно. Теперь, узнав, что камера принадлежит тете, ей не хотелось думать, что она могла что-то по ошибке присвоить.

– Ой, нет, Жанна. Пусть остается у тебя – сказала за ее спиной Трау.

– И, Жанна, я не тетя, я просто Трау. Можно, просто Трау?

– Конечно, те... Трау.

– Ты уже поняла, как она работает?

– Да. Я читала о таких, – ответила Жанна.

– Где же пишут про такие камеры, позвольте узнать?! – спросил домовой, нахмурившись.

– Вот уж, не знаю, – засмеялась Трау.

– Это необычная камера? – спросила Жанна. – Выглядит обычно.

– Все необычное должно выглядеть обычно, чтобы обычные не стали необычными, потому что всем необычными быть нельзя, – сказал енот.

Трау и домовой прыснули.

– Жанна, возьми чашку чая – сказала Трау. И протянула ей чай. Жанна посмотрела на нее. Только что она стояла, и размахивала руками, и тут у нее в руках чай.

– Эта камера работает почти так же, – пропела Трау. – Только надо приловчиться.

– Так же, как этот чай? – спросила Жанна

– Да, точно так же. Как и все, что принадлежит мне. Знаешь, Жанна, в моей жизни есть три «не»: не ждать, не ходить по лестницам, не быть обычным. Когда хочется чаю, придется пройти по двум лестницам сразу дважды.

– И вверх и вниз, итого четыре – подсчитал домовой.

– Да, четыре. Срабатывает первое «не», и чай летит просто по воздуху.

– Понятно... – протянула Жанна.

– А теперь иди наверх! – скомандовала тетя.

Жанна почти дошла до своей комнаты.

В коридоре было очень шумно. Эрди стоял на стремянке, подвешивая фонарики к карнизу, а домовой кричал снизу.

– Нет, она хотела золотое свечение!

– А я решил, будет красное. С серебром... – задумчиво протянул Фердинанд.

– Нет, нет, нет... мы дадим самый плохой бал за всю историю. Я умываю руки.

Жанна наблюдала со все возрастающим интересом за обитателями дома.

– Вы всегда живете вместе? В смысле видите друг друга и все такое?

– Конечно вместе! – пробасил Эрди.

– Они «переходят» назад только когда гости на пороге. Но, тебя это не касается, как гостя – сказала за ее спиной Трау.

– Ой, уже донесли – рассмеялся Эрди.

– Я и так увидела, что ты вешаешь красные, дорогой.

– Я говорил, золотые – прорычал за ее спиной домовой.

– Доносчик в доме – закатил глаза Эрди; а потом стал смеяться.

– На самом деле, я говорила сиреневые, но пусть уже будут красные.

– Может, используем все цвета... и мышей. Светящихся танцующих мышей – мечтательно промяукал сзади Цулифер.

– Как грубо! – в один голос произнесли близнецы. – В нашем доме так говорить о мышах!

– Тебе в голубую спальню, – подсказала Трау.

Жанна хорошо ориентировалась в Доме и сразу нашла нужную дверь.

Жанна прошла в свою комнату. Надо же, подумала она. Я все время считала, что тетя живет одна в этом огромном замке и ее единственная радость – наш приезд пару раз в году. А, оказывается, наш приезд – всего лишь временное неудобство, из-за которого она, почему-то не видит брата, и не может общаться с обитателями дома напрямую, и не может заставлять чай лететь по воздуху.

«Жизнь полна сюрпризов!» – подумала она.

Жанна снова вышла из комнаты, чтобы спросить почему, вообще-то, дядю Эрди... нет, наверное, тоже просто Эрди, нельзя было увидеть в прошлый приезд и все время до этого.

Но в коридоре было темно. Там никого не было! Ни стремянки, никого!

«Сумасшедший Дом» – впервые подумала Жанна.

«Темно...? А отчего темно! Это же не шторы. Эти тяжелые шторы совсем не пропускают свет?!»

Она выглянула за окно – за окном пылал закат. Жанна ужаснулась: ведь они приехали ровно в одиннадцать утра!

– Опять сумерки, опять! – прокричал домовый снизу.

– Я устал – прокричал Эрди откуда-то сверху.

«Да и Рождество наступит быстрее! Сегодня сочельник, – подумала Жанна и улыбнулась. – А ведь и правда – так быстрее и приятнее».

На лестнице внизу что-то загремело, и Жанна вдруг вспомнила про еще одну обительницу дома. Про бледную страшную женщину, которая спускалась вниз по красной лестнице и хранила самый большой секрет этого Дома, очевидно.

И Жанна невольно поежилась, быстро захлопнув дверь.

Кто-то пробежал мимо ее двери, хихикая.

Жанна везде включила свет, сняла платье и колготы, и прошла в ванну. И замерла.

– Девушка! Как некультурно! Тут занято! Как Вас мамаша не научила стучать?!

Жанна обмерла. В ванной пахло лавандой и можжевельником. Вокруг летали мыльные пузыри, а в самой ванне лежал огромный мохнатый волк.

Он был в шапочке для душа и жевал мандарин.

– Ой, нет, не голубая! – в один голос сказали сзади близнецы.

– Пурпурная, нет, по-моему, золотая, или зеленая...?

– Ты опять перепутал все комнаты в доме – недовольно прокричала Трау и стала вертеть в руках белоснежный лист, на котором только было написано План Поместья.

– Да, ты сама не разбираешься в них – сказал Эрди.

Дверь в ванну захлопнулась.

– Прошу прощения... – успела пропищать Жанна волку в закрывающийся проем, но тот махнул лапой и подмигнул.

– Как размещать гостей? – сказала Трау. – А, все равно, как-то сами пусть выбирают комнаты. Скучно все делать по плану.

– Угу – промычал Эрди.

– Тем более, это не только наши гости! Поэтому, я пойду следить за Бенедиктом – сказала она. И исчезла в воздухе.

Жанна, конечно, удивилась. Она робко спросила, куда ей все-таки идти.

Эрди сказал, что не знает, или не помнит. И тут же произнес:

– Дом...?

Жанна услышала треск. Стенки комнаты раздвинулись, и Жанна увидела небольшую кованую лестницу наверх.

– Ну, поднимайся тогда. И мы ждем тебя внизу.

Жанна пошла наверх. Всего шесть ступенек и она уже в красивой мансарде.

Вокруг цветут лилии, и посередине стоит кровать. Сбоку письменный столик, большое зеркало, шкаф и столик с мандаринами. И огромное, просто невероятно огромное окно во всю стенку возле кровати. Красивой полукруглой формы кверху.

Жанна подумала, что не помнит такого окна со стороны входа в дом, да и с других тоже. Окно исчезло, и на его месте появились 2 окна поменьше и дверь на балкон. Жанна подумала, что окно было самым красивым вариантом. И окно опять вернулось на место.

«Это – самый потрясающий Дом на свете», – подумалось ей.

Она зажгла свет. Мягкое желтое свечение разлилось по всей комнате: по стенкам с многочисленными канделябрами, под потолком, и на столиках.

Что-то еще раз хрустнуло, и Жанна увидела на столике часы.

Они показывали: 12:12.

Еще хруст, и скрипнула маленькая кованая дверца голубого цвета. За ней было очень светло. Жанна прошла и ахнула.

Ванна. Но такой ванной комнаты она не видела никогда. В воздухе аромат экзотических цветов. Вокруг свечки, огромный шкаф от пола до потолка забит книгами.

«В ванной!» – обрадовалась Жанна.

На столике опять мандарины и вокруг по стенам, по потолку, по полу выются лианы и цветут живые цветы.

«А как наступать?» – подумала Жанна.

Тут же перед ней возникла маленькая дорожка между лианами, и девочка прошла к ванне. Из крана потекла цветная вода.

Что-то хрустнуло позади нее, и она увидела, как по воздуху проплыло красивое розовое платье и приземлилось на кровать.

– Спасибо! – сказала Жанна невидимому помощнику.

По крыше забарабанило.

«Дождь?» – подумала она, нежась в ванной.

Наверное, прошло какое-то время, потому что Жанна вдруг услышала недовольное ворчание.

– Жанна, кушать! Ну, пора уже! – сказал енот и шмыгнул за унитаз, выглядывая оттуда.

– Я заснула? Простите! Уже, наверное, глубокая ночь.

– Скорее, за полдень – сказал енот.

Жанна быстро высушила волосы и оделась. Платье было нежно-розовым с красивой зеленой брошкой. «В этом доме есть все», уверенно подумала она.

Жанна вышла из комнаты, уперлась в стенку, а потом увидела лестницу.

Шесть ступенек и Жанна в коридоре. Сквозь окна струится солнечный свет и все со временем в порядке. И Жанну осенило. Она просто спала после долгой дороги и только сообразила, что к чему. А все ей, как всегда, приснилось.

– Какая наглость – сказал енот, пробегая мимо в костюме и башмачках, и снова высоко задрал хвост.

Жанна спустилась вниз по большой лестнице и услышала хохот в большом холле. И еще шум волн. Жанна прошла в холл.

На люстре под потолком качались Трау и домовой. Домовой был точно одет как юнга на корабле, а Трау, как пират. Настоящий пират! В ушах у нее болтались огромные золотые

кольца, даже в носу была серьга и шляпа, как у флибустьеров на картинках в учебнике. И непременно с огромным пером.

Она напевала какой-то, видимо пиратский гимн, и кричала сквозь шум волн и крики чаек домовому:

– Вижу вражескую шхуну! Пли!

Жанна повернула голову и увидела, что комната почти уже не комната, она просто огромная, точнее – она волны океана; Жанна стоит по колено в воде, платье намокло, а к ней приближается пиратский корабль. У штурвала подросший Цулифер, с пиратской повязкой на глазу, и со шпагой в мохнатой лапе. Еноты отлаживают пушки, а на носу корабля стоит Эрди и кричит. Трау тоже что-то кричит, а еноты фыркают.

– Сдавайся, Генри Морган!

– Ни за что, Ле Вассер!

Жанна смотрит во все глаза. Пушка срабатывает и из нее столбом выстреливает золотая пыль. Она падает на волосы и плечи Жанны. И Жанна аплодирует.

Жанна никогда не видела Трау такой, и впервые задумалась, сколько ей, то есть им, лет. Это не угрюмая, порой, тетя Эбба, не мама, не тетя Мария. Они гораздо младше.

– Мы те, кем хотим быть, Жанна. И цифры тут ни при чем. Это правда. Запомни ее. С ней будет легче, когда подрастешь – говорит Трау.

Океан пропадает. Комната еще хранит соленый вкус моря на губах, но Жанна уже видит привычные кресла, стулья и фортепиано.

Трау слетает с люстры в красивом зеленом платье, и Эрди следует за ней по комнате в костюме, примерно таком же, как у енота наверху.

Жанна смотрит на платье: внизу оно мокрое.

– Ой, да неважно – говорит Эрди. – Высохнет после пирожков.

Они вместе идут по коридору на кухню.

– Господи, это ведь сюда провалился Морис в ту ночь? – вдруг осенило Жанну.

– Сюда, сюда. Хорошо, что мы успели все спрятаться за шторой – сказала Трау.

– Ты тоже хотела провалиться? – спросил Эрди.

– Нет, не в красивом розовом платье – чопорно ответила Жанна.

Они дошли до кухни.

Двери открылись, и в проеме показался огромный Мышь. У него был колпак повара на голове, и он недовольно произнес:

– Nous sommes fatigués d’attendre, Madame!¹

– Je vous demande pardon, mon cher Benoît² – покраснев, сказала Трау.

– En voilà assez!³ – сказал Эрди.

Все вошли в огромную кухню. Посередине стоял большой круглый стол, на нем свечи и тарелки. А еще курочка, пирожки, картошка и куча всего, чего Жанна не видела до этого. Бенедикт сновал с целым отрядом мышей всех цветов в отглаженных белоснежных костюмах по кухне.

– Мы ничего не успеваем – сообщил он Трау.

Та села, качая ногой, на край стола и стала жевать куриную ножку.

– Эрди? – вопросительно подняла она бровь.

– Сейчас – сказал он, откусывая пирожок.

Жанна почувствовала легкое покалывание, и увидела, что она снова в своем пальто.

¹ (фр.) Мы устали ждать вас, мадам.

² (фр.) Прошу прощения, мой милый Бенедикт.

³ (фр.) Хватит, довольно!

– Ой, прости Жанна, – засмеялся Эрди – ну, какая разница, в чем завтракать? Просто забыл про одежду, когда перестановку делал.

– Да уж, забыл – сказала Трау с края стола, в ночной сорочке и в халате.

Эрди был в дорожном костюме, совсем как утром.

Жанна стала смеяться.

– Знаете, впервые у меня такое Рождество. Спасибо вам!

– А чего нам? Что мы? Мы просто тут делим общую жилплощадь по договоренности.

– Я вот даже готовить не умею. – подмигнула Трау – Все Дом помогает по хозяйству.

– Еще не Рождество! – сказал Бенедикт. – И, Слава Богу! Спасибо, герр Айхенвальд, теперь все успеем.

Жанна присела за стол и стала накладывать еду в тарелку.

– Как, не умеете готовить? – спросила она. – А кто кормит нас, когда мы приезжаем?

– Ну, не каждый раз Бенедикт. Он приезжает только на Рождество. Он – знаменитый французский повар. Так, помаленьку: то еноты, то Гелоогла; я сама, вот, макароны варила на утро вам осенью, например. Потом белки пекут пироги, когда их полковник крадет у меня припасы из подвала.

– Вы знаете, мне очень давно в детстве Гелоогла рассказывала про волка в чепце, в ванной с уточкой – вдруг сказала Жанна. – А он и правда существует!

– Жанна, а почему ты сидишь на стуле? – вдруг спросил Эрди. – Приятнее сидеть прямо на столе! – и сел прямо на стол. Стол моментально удлинился.

– Ужас, ужас – сказал енот позади Жанны и тоже сел прямо на стол, откупоривая бутылку с молоком.

– Тут есть что-то настоящее? – вдруг спросила Жанна.

В комнате вдруг стало темно. Очень темно.

– А что оно такое, твое настоящее, Жанна? – очень взрослым голосом спросила Трау. – Однажды, мое настоящее состояло из войны и разрушений на каждом шагу. Небо было багровым, и повсюду гремели снаряды. В твоём возрасте, я вставала в пять утра на пробежку и тренировку, потом целый день занималась и читала, и только к вечеру находилось время для енота и Гелооглы. Но они тоже были уставшие и не хотели ничего, кроме тишины.

– И это было ужасно – сказал Эрди.

– Так можно потерять истинное настоящее, Жанна – серьезно произнесла Трау.

– Навсегда потерять – добавил Эрди.

– Мне страшно – произнесла девочка.

Она подняла голову наверх и увидела шпили старинных домов.

По небу летели самолеты. Она не могла разглядеть, что за знаки на них, но они были старые, и она видела что-то похожее на уроках истории. Повсюду валялись обломки, а вокруг бегали и кричали люди. То тут, то там взрывались снаряды.

Трау стояла рядом в черном костюме, в котором Жанна видела ее однажды на фото, у мамы в альбоме.

Она держала в руках пистолет.

Позади нее стоял енот с красными глазами, и Гелоогла в рваном сером платье со спутанными волосами.

– Verlier niemals einen Moment, Jeanne!⁴ – сказала она ей.

Жанна закрыла глаза и стала плакать. Эрди стал трясти ее за руки, она открыла глаза. Кухня, Бенедикт, все замолчали. И Дом хрустит всюду.

– Ну, так уж слишком, Трау! – раздраженно произнес Эрди.

⁴ (нем.) Никогда не теряй настоящего, Жанна.

– Жанна склонна, как и ее мать, принимать подлинное за ложное, Фердинанд. И возможно, Жанна отправится еще не раз со мной в мои маленькие путешествия, чтобы понять, что действительно важно в жизни.

Трау посмотрела вверх, на потолок. Жанна доела свой завтрак и вышла из кухни. Она никогда не видела Трау такой раздраженной раньше. Еще неприятнее было полагать, что именно она стала причиной ее раздражения.

Наступил вечер. Весь день Жанна помогала Эрди украшать Дом и развешивать имбирные пряники, абсолютно везде. Еще, почти весь день, Жанна фотографировала и успела израсходовать все кадры в пленке.

Эрди пояснил, что оставлять имбирные пряники – это обязательное условие для празднования Рождества. В Доме живет много таких маленьких фантазий, что Жанна и не заметит их. А пряники любят все, ведь Рождество – самый добрый праздник.

Жанна, в целом, заметила, что Эрди называет обитателей Дома фантазиями. Но не уверена была, что правильно понимает слово. Оно было иностранным, и Эрди только лишь заметил ей, что оно означает, примерно, фантазию.

Наступал Сочельник.

Жанна подумала, что сегодня как-то невероятно тепло и хорошо. Почти так, как бывало в старом доме ее детства.

Перед праздничным ужином они пошли вниз под лестницу проявлять фотографии. Жанна помнила, как осенью Морис предложил посидеть тут и посочинять страшные истории. Она улыбнулась. Теперь для нее не существовало никаких страхов. В этом Доме их просто не могло быть. Она вспомнила, как Виола плакала, рассказывая, что за ней гналась страшная старуха – призрак и хотела ее не то убить, не то съесть. Жанна на секунду живо представила себе пустые глазницы и лохмотья на костях, и даже смрадный запах, но поняла, что не получается. Хотя в ту осеннюю ночь она очень испугалась.

«Я испугалась не того, что рассказала Виола. А ее самой».

Она поспешила поделиться своими размышлениями с Эрди.

– Понимаешь Жанна, все, что реально, все, что мы видим вокруг – это продукт нашей собственной реальности. Той, которую создает наше воображение и которую подчас не видят другие. Виола очень одинока и Дом чувствует это. Но, в то же время, Виола заносчива, упряма и не всегда добра к окружающим ее людям. Дом показал ей ту ведьму Гелооглу, которую она заслуживала. Виола любит без спроса вторгаться везде, куда сможет сунуть свой маленький точеный носик. А твоя Гелоогла – добрая ведьма, которая помогала тебе взрослеть и которая творила в твоём сердце сказку. Так же бывало и у нас с Трау. Были времена, когда Гелоогла превратилась в нечто ужасное за спиной Трау, и не покидала ее даже во сне. Но это был продукт ненависти Трау к миру. Однажды мы приехали сюда и решили, что никогда не покинем этого места. Мы создадим из него ту реальность, которая подходит только нам. Потом приехала твоя мама. Мы ее не видели много лет. Она рассказала, что у нее есть маленькая дочка, и о том, как вырос Аддлер. Но твоя мама больше не видела Гелооглу, хотя, в детстве играла с нами.

– Так вы знакомы с детства? – удивленно спросила Жанна.

– Да, мы дружили примерно с шести лет.

– А теперь, время спуститься в мое подземное логово. И пусть Трау создает красивые картины при помощи пленки, проявляю их все равно я. Она проявлять не любит и не хочет учиться. Говорит, что это скучно. А ты знаешь, что половина успеха, если не большая его часть – это то, как ты проявишь пленку. Сохранишь момент, или испортишь его.

Жанне не терпелось попробовать проявлять пленку. Они дошли до угла пространства под лестницей, и Жанна увидела дверь.

– Раньше ее тут не было.

– Вот тут ты точно ошибаешься, она была всегда. Она принадлежит первому хозяину Дома.

Эрди достал большой старый ключ и открыл дверь. Вниз вели крутые ступеньки, и было очень темно. Снизу тянуло холодом, но не было ни запаха сырости, ни плесени.

Эрди щелкнул выключателем, и лестницу окутало неровное желтоватое свечение.

– Но только обещаю, что не будешь спускаться сюда сама, хорошо?

– Потому что это небезопасно?

– Нет, потому что это может оказаться страшным. А страх, и правда, пожалуй, самое небезопасное нечто в голове человека.

Наконец, они дошли до конца лестницы, и Жанна увидела большое квадратное помещение. Оно было просто перегружено деталями. То тут, то там, стояли различные шкафы и шкафчики. В них Жанна заметила целую кучу книг и склянок. Под потолком сушились травы, а прямо посередине комнаты стояло два больших стола и несколько мольбертов. На одном из них было закреплено полотно, и на нем была изображена какая-то белокурая женщина в саду.

– Так красиво! – сказала Жанна.

– Я немного рисую. Нравится, правда? – спросил Эрди.

– Очень. Я всегда мечтала рисовать!

Она вспомнила открытку Мориса. И то, как он поступил в художественную школу. Бледный, тощий, темноволосый Морис. Совсем как Эрди в его возрасте, должно быть, почему-то подумалось ей.

– Итак, нам понадобится проявитель. И нам надо определиться, какие снимки ты хочешь. Если цветные – будем работать почти в полной темноте. Если черно-белые – то при красном освещении.

– Я хочу цветные! – сказала Жанна. До этого, она видела такие только в журналах и по телевизору.

– Теперь вынимаем пленку из фотокамеры, и помещаем в катушку, где между слоями пленки необходимо сделать зазор 2 мм; эта катушка опускается в бачок с проявителем и промывается там согласно инструкции, потому что они бывают разными – эти проявители. Сливаем проявитель и заливаем холодной чистой водой. Промываем. После этого используем закрепитель. И снова моем. Сушим пленку. И теперь у нас есть негатив.

– Негатив?

– Да, без него не получится карточки.

– Дальше заправляем пленку в специальный проектор, включаем свет на проекторе и настраиваем его таким образом, чтобы увиденная картинка соответствовала тому, что ты мечтаешь увидеть на карточке. И все время фотобумага и пленка ни в коем случае не должны увидеть сильный свет. Выключаем свет вообще. Ставим на стол проектора фотобумагу. Включаем на короткое время свет на проекторе, и именно это самый волшебный момент – изображение с негатива перейдет на бумагу. И ты получишь карточку. Теперь фотобумагу заправим снова в катушку, опускаем в проявитель, и промываем в нем. Сливаем проявитель и заливаем снова водой. И снова промываем. После этого снова закрепитель, и снова промываем. Вуаля! Они почти готовы – твои снимки. Держи прищепки, и развешивай под потолком – будем сушить.

Жанна восторженно наблюдала за точными движениями Эрди. Правда, почти ничего не запомнила. Он внимательно посмотрел на нее.

– Ничего, ты научишься. Я извел много бумаги, пока смог проявлять.

Жанна смотрела на листки фотобумаги. Она даже боялась дышать на них, и аккуратно развешивала их на тонком тросе один за другим. Получилось двенадцать карточек.

– Ночью посмотрим, что получилось – сказал Эрди.

Они поднялись по лестнице наверх. Жанна заметила, что он не закрыл дверь на ключ.

– Пора ужинать, все уже собрались – сказала прямо над ухом у нее Трау.

Жанна так задумалась, поднимаясь по лестнице, что не сразу заметила ее высокую худую фигуру.

– Жанна, поднимись к себе и переоденься – строго сказала Трау.

Пока Жанна поднималась по лестнице, то услышала, как Трау спросила у Эрди:

– Она не видела?

– Нет, я следил за ней.

Жанна поняла, что рискует после подслушанного стать на полчаса Виолой, чтобы найти то, о чем беспокоилась Трау в комнате под лестницей.

Уже поднявшись по огромной, украшенной омелой и пряниками, лестнице, она заметила, что почти в каждой комнате на этаже горел свет и по полу сновали чьи-то ноги.

«Гости? – подумала девочка. – Так много гостей!»

Она быстро дошла до входа в голубую спальню, рядом с которой висела лестница, ведущая в ее комнату. Лестница тут же надежно закрепилась в стенке и в полу. Жанна пробежала шесть ступенек и снова ахнула. Теперь все в комнате было из камня. По правую руку пылал большой камин. Он был выше Жанны! И давал столько света и тепла.

Огромная деревянная кровать, на ней куча одеял, балдахин, рядом огромный платяной шкаф. Стены были каменные, и Жанне нравилось, как гармонично все смотрелось тут.

«Как в замке средневековом» – подумала она. И пожалела, что вместо книги о рыцарских турнирах, купила книгу об одиноком волшебнике.

На стуле висело бархатное синее платье, рядом висели красивые гольфы с вышивкой по краям, и красивый синий шарф. Здесь же лежала красивая витая брошка. Она была в форме какого-то дивного цветка, и венчал ее маленький синий камень.

Жанна огляделась в поисках обуви. Рядом стояли коричневые башмачки с пряжками.

Жанне нравился такой гардероб. Все всегда было идеально подобрано, и постоянно разных цветов.

Жанна снова подумала, какой чудесный получается у нее праздник!

Она быстро оделась и побежала вниз.

Пробегая по коридору второго этажа, она вспомнила, как они с ребятами называли его коридором 1000 окон, она вспомнила осень и подумала, что та осень была много лет назад. И вообще, с другой Жанной, не с ней. А с той, что осталась там, в маленьком городке.

Неожиданно Жанна подумала, что было бы неплохо позвонить маме, ведь она должна уехать именно в Рождество, то есть, только завтра. Возможно, ей одиноко одной в пустом темном доме, если только не провели свет.

Жанна пошла на кухню вниз, но там никого не было. Только тлели еще угольки в открытых печах мэтра Бенедикта. И на столе стояло пару зажженных свечей.

– Жанна! Пора ужинать! Уже совсем пора! – воскликнула за спиной у Жанны Трау. Девочка обернулась. На Трау было длинное синее бархатное платье с открытыми плечами и красивый витой кулон. Именно витой. Он был довольно большим и продолговатым, но производил впечатление хрупкой вещицы, потому что был свит из множества частей, как лоза.

– Я могу позвонить маме, тетя Трау?

– Жанна, честно говоря, когда надо позвонить, Эрди ездит на телеграф в город. Но телефон, конечно, есть, можно попробовать.

– Спасибо!

– И, Жанна!

– Да?

– Просто Трау.

– Конечно, простите, я забыла. Просто думала о маме и нашем доме.

Они снова поднялись наверх, прошли в восточное крыло и остановились напротив двери. Трау постучала. Из-за двери послышался голос Эрди.

– Кто там? Это ты, Жанна?

Жанна тихонько сказала, что хочет позвонить маме. И обернулась, чтобы сказать Трау, как все-таки благодарна им за такое Рождество, но увидела, что большой желтый холл абсолютно пуст.

Она пожала плечами и дождалась, пока Эрди разрешит ей войти. Она вошла в комнату и остановилась. Жанна никогда особо не исследовала восточное крыло замка, а теперь остановилась, завороченная. На противоположной стене пылал огромный камин, вдвое больше, чем тот, который Жанна сегодня вечером нашла у себя в спальне. Комната производила впечатление, как будто бы двухъярусной, а на деле, это было не так. Просто, такое впечатление создавалось от восьмиугольной выпуклой деревянной крыши и от светильников, размещенных по кругу этого восьмиугольника. Складывалось впечатление, будто бы там маленькие деревянные балкончики для каких-нибудь волшебных фей со свирелями. По правде говоря, все в этой комнате было обшито деревом, либо выполнено из дерева; и факт того, что огромные деревянные шкафы, от пола до потолка забиты рядами книг, сразу привлек внимание Жанны. Она обрадовалась тому, что это – библиотека.

– Это раньше был бильярдный зал – сказал кто-то, сидевший в кресле у камина, и спинкой этого самого кресла полностью закрытый.

«Эрди, это его голос».

Зазвонил телефон. Звук доносился с маленького круглого столика, ножки которого представляли собой мохнатых псов, тоже вырезанных из дерева. Из кресла напротив камина встал, все-таки, Эрди. Он тоже был одет в синий бархатный костюм.

– У нас что, сегодня синий вечер? – спросила Жанна.

– Нет, сегодня морозный вечер, – произнес Эрди. – Скорее же возьми телефон!

И Жанна опомнилась, что телефон так и звонит. Она мигом схватила трубку, только потом осознав, что хозяин Дома разрешил ей самой поднять трубку. Она даже понятия не имеет, кто это звонит, и что она будет говорить в ответ. Поэтому, она прокашлялась и тихо произнесла:

– Здравствуйте, – а потом исправилась и мигом добавила. – Добрый вечер!

Из трубки послышался хохот.

– Жанна, это ты? Как забавно ты говоришь! – воскликнул Морис.

Жанна поняла, что это самый лучший из самых лучших Сочельников! Ведь ей позвонил Морис!

– Ой, ну я же не знала, что это ты звонишь, и постеснялась.

– Вежливость еще никому не вредила, – ответил ей Морис каким-то странным голосом. – С наступающим Рождеством!

– И тебя с наступающим Рождеством, Морис! А тебя не удивляет, что на этом конце провода тебе ответила я?

– Я думаю, что это уже никого не удивит. Твоя мама позвонила вчера Эббе и сказала, что тетя Трау забрала тебя к себе в поместье.

Жанна подумала, что Морис всегда называет свою маму Эбба, а не мама. И это странно.

– ... вот так! – продолжал Морис.

Жанна нахмурилась, ведь половины она не услышала.

– А Эбба хмыкнула и сказала, что ей, тете Трау, скучно.

Жанна подумала, что вот уже сутки всем знакомым кажется, что ей скучно.

– Ну, тете Трау и, правда, одиноко, наверное, одной в Рождество, в поместье. Ты правильно сделала, что поехала с ней. Это хороший, добрый поступок – тем более, у тебя все равно нет в городе друзей...

Жанна внезапно испытала прилив злости:

– Во-первых, нам всем тут не скучно, Морис! А, во-вторых, у меня есть друзья, и ехала я с радостью, с большей радостью, чем поехала бы к вам!

– Ладно, Жанна мне пора. Меня ждет Виолетта. Мы идем в кино.

Жанне показалось, что она потеряла дар речи.

– Виола...?!

– Ой, Жанночка, дорогая! С наступающим Рождеством! Здоровья тебе и маме! Вальдэ рядом? – тут же накинулся на Жанну голос тети Эббы.

«Вальдэ...?!»

Жанна почувствовала, как теплые руки взяли у нее из рук трубку, и поняла, что плачет.

– Не стоит Жанна, – тепло улыбнулся ей Эрди. – Право, совсем не стоит!

Жанна присела на краешек диванчика рядом со столиком. Заметила сквозь слезы, что его ножки тоже как мохнатые собачки, только поменьше.

– Ой, Эбба! Привет! Как дела? С Рождеством! С наступающим Рождеством! Ты уже открыла имбирный пирог, который я тебе прислала?

Жанна немного вытерла слезы и, с интересом и удивлением, посмотрела на Эрида. Такой звонкий, высокий голос, почти как у Трау, когда она смеется или шутит.

Жанна вдруг стала улыбаться, вспомнив, что он ее провел с мамой точно так же.

«Еще одно его умение», – вспомнила она слова Трау, утром.

В это время, Эрди засмеялся совсем как Трау. На самом деле, это было так забавно, видеть серьезного Эрди со смехом Трау, что Жанна сама начала хихикать.

– Так! Все, Эбба! А то подгорит моя индейка! Девочка вовсе не несчастная, она – счастливый, радостный ребенок, которого ты, впрочем, лишила первоначального плана Рождества. Ну ладно, нам пора! Пока-пока, целую! Всем счастливого Рождества! Если не заметет, завтра еще позвоним, и будь аккуратна с Виолой, она такая неряха. Все вещи по комнате раскидывает. Зачем тебе такая невестка? – и снова смех. Эрди кинул трубку и начал хохотать.

– Маленькая, глупая Эбба! – воскликнул он. А потом оглянулся на Жанну. Жанна уже тоже смеялась, причем искренне.

– Ой, как здорово вы ее провели! – воскликнула она.

Эрди вдруг перестал смеяться и сделался очень серьезным.

– Не пристало, Жанна, такой девушке как ты, лить слезы из-за мальчиков.

– Тем более, когда они, едва ли обращают на тебя внимание и пытаются казаться лучше и выше, чем они на самом деле есть, – добавила Трау.

Жанна обернулась и увидела в дверном проеме Трау.

– А у вас, наверное, много было мальчиков? Вы такая красивая! – прошептала Жанна. – Вот и не лили слезы...

Трау странно посмотрела на Эрди и улыбнулась.

– Количество мальчиков, которым ты бы могла понравиться, совсем не означает счастье в жизни, Жанна. Главное, чтобы рядом был тот, кто нравится, по-настоящему и навсегда.

– Навсегда? – спросила Жанна. – Это очень долго!

– Во все нет. Время в «навсегда» летит быстрее, чем кажется, когда впервые о «навсегда» услышишь – засмеялась Трау.

– Я ей не послала имбирный пирог – добавила она.

– Ой, да какая разница – снова засмеялся Эрди. – Эбба верит всему, что говорят ей другие, и будет искать имбирный пирог везде: в почтовом ящике, на почтовом отделении, будет ловить почтальона после Рождества. И, таким образом, даже сможет сделать свой праздник немного веселее, чем обычно.

– У меня есть друзья – вдруг сказала Жанна.

– Мы знаем, Жанна, конечно же – сказала Трау.

– Конечно, знаем! – сказал Эрди. – Тем не менее, мы надеемся, что друзей среди юных жителей твоего нового городка у тебя нет.

– Нет, среди них никого нет – произнесла Жанна. «Почему они задали такой вопрос?» подумала она.

– Да и вообще, нет – добавила Жанна и снова загрустила.

– Как же нет?

– Какая наглость! – произнес елот за спиной Жанны. – Еще и на ужин опаздывают!

– Извините, нас, пожалуйста! Мы исправимся через пару минут – сказала Трау.

– Ну что, за стол? Сегодня ужинаем в большой столовой!

Все направились к выходу, как вдруг, Жанна вспомнила, что хотела позвонить маме.

– Ой, а маме позвонить! – спохватилась она. – Я ведь за этим сюда пришла!

– Жанна, уже довольно поздно, да и все остывает.

Часы на каминной полке пробили ровно восемь.

– О, месье Бенедикт будет в бешенстве! Мы опоздали на восемь с половиной минут – сказала Трау.

– Я хочу позвонить ей, только скажите междугородный код – спокойно произнесла Жанна.

– Ну, хорошо – так же спокойно произнес Эрди. – Листок с необходимыми кодами лежит на моем письменном столе под лампой, там ты найдешь и ваш номер, и код вашего города с пометкой «Ридель».

– Спасибо – тихо сказала Жанна.

Когда близнецы вышли из комнаты, ей показалось, что оба не очень хотели, чтобы она звонила маме, и даже старались всячески ее отвлечь. Впрочем, не слишком.

Жанна быстро набрала необходимый номер. Услышала примерно шесть коротких гудков и положила трубку. Вздохнула и набрала номер снова. На этот раз трубку уже подняли на третий гудок.

– Алло – произнес чужой женский голос.

– Это Жанна.

– Кто это, Жанна?

– Хелле, тебе звонит какая-то Жанна. Подойди.

Сквозь треск на линии, завывания начинающейся метели за окном, и оглушительный грохот музыки в трубке, Жанна задумалась, стоило ли все-таки звонить. Через секунду она услышала голос мамы.

– Жанна, дорогая, все хорошо?

– Мама, что это там у тебя, и кто эта женщина?

– Ой, Жанна, это моя подруга. Не все мои подруги знают твой голос, да и незачем им его узнавать. Вообще-то, сегодня Сочельник, поэтому, мы решили немного повеселиться перед отлетом.

– Мама, так ты куда-то летишь? Ты же говорила, что вы поедете на машине с новым дядей куда-то не очень далеко.

– Жанна, ты как всегда, что-то придумываешь. Я тебе точно говорила, что у меня завтра утренний рейс.

Жанна вздохнула. Хелле тоже вздохнула на том конце провода.

– Жанна, так у тебя все хорошо? Как там... Трау?

– Да, мама, у них очень хорошо. Сегодня мы с Эрди украшали весь дом, а Трау почти постоянно смеется, хотя раньше она была всегда очень серьезной.

– Эрди... вот как? Ну, вот и чудно. Значит, тебе там совсем не скучно. Он уже показывал свою мерзкую лабораторию?

И хоть Жанна не знала, о чем говорила ее мать, она сначала утвердительно кивнула в трубку, а потом спохватилась и произнесла:

«Да».

Ей хотелось, чтобы мама поняла, что тут весело, что от Жанны нет никаких секретов, и ей полностью доверяют.

– Ты поаккуратнее там – сказала мама, и Жанна тут же услышала короткие гудки.

– И тебе счастливого Рождества – тихо произнесла Жанна, положив трубку.

Она подошла к большому узорчатому окну и выглянула на улицу. За окном мела настоящая метель; фонарики на деревьях вокруг дома и на беседке в саду раскачивал сильный ветер. Восторг от настоящей праздничной погоды смешивался у Жанны с грустью. На самом деле, осенью Жанна не относилась к маме столь же сентиментально. Она очень редко видела маму и, как правило, находилась у тети Эббы или у маминой троюродной сестры. Но после того как они пожили с мамой несколько месяцев, хоть это и не было в полном смысле этого слова – «вместе», Жанна привыкла к Хелле. Ее посетила идея о том, что весь этот праздник закончится максимум через неделю, а она, снова, будет вынуждена уехать в новый старый дом с покосившейся крышей, в котором нет света, но работает телефон. Жанне перехотелось ужинать. Она сделала три круга по библиотеке и подошла к одному из стеллажей. Посмотрела на корешки книг и ей ничего не приглянулось, да и читать не особо хотелось. Она пошла и села за письменный стол Эрди. Посмотрела на причудливую ножку лампы на этом столе. Она тоже была в виде небольшой собачки. Пепельница тоже в виде собачки. Даже перьевая ручка, лежавшая на этом столе, была вырезана на конце из дерева и представляла собой собачью голову.

«Все здесь в виде собак, – подумала Жанна. – Все ножки, все деревянное. От этого, конечно, тепло, и даже камин обшит деревом. И панели на стенах тоже деревянные и пол и потолок... сидишь точно в коробке»

Она вдруг решила незаметно уйти в свою комнату и просто лечь спать, как заметила на столе явно очень старую тетрадь. Точнее, это были сшитые вместе листы бумаги: где-то белые, где-то серые, бежевые, желтые и даже почти коричневые. Эти листы были склеены с черной обложкой, на которой было нарисовано пару знаков.

«Ну точно, очень старых» – подумалось Жанне.

– Какие-то пергаментные развалины, а я приняла их за тетрадь – сказала вслух Жанна.

Она перевернула один лист, затем другой... Практически на всех листах, исписанных сверху донизу, сами письма представляли собой какой-то набор точек и странных знаков. Несмотря на плохое настроение, в Жанне не угас дух авантюризма, и ей тут же вспомнились фильмы про шпионов. Жанна пролистала всю рукопись и не нашла никакого ключа к разгадке странных символов. По правде говоря, она вообще никогда таких не видела, но отчего-то, вдруг, ей вспомнился кулон Трау. Чем-то некоторые из знаков его напоминали. Жанна и сама удивилась странному сравнению, и решила спросить об этих листах Эрди или Трау, попозже. Но тут же вспомнила, что она просто сидит за чужим письменным столом и рассматривает чужие вещи, что свидетельствует, скорее всего, о невоспитанности, чем о духе авантюризма. Жанна пошарила взглядом по столу и увидела красивый флакончик. Он был очень маленький, наверное, всего лишь пару миллилитров, с красивой золотой крышечкой в виде розы. Жанна взяла в руки флакончик и открыла крышку, и тут же ощутила чудесный розовый аромат. Ей сразу вспомнилась осень, ее самое любимое место в поместье – беседка и сад. Даже в октябре, там все еще цвели красивые розы и источали дивный аромат. Жанна зажмурилась, приятные воспоминания немного подняли ей настроение. Рядом с флаконом лежало несколько исписанных листов. Жанна внимательно присмотрелась к ним. Такой почерк можно было назвать резким. Это было самое лучшее определение для длинных, угловатых букв, которые складывались в узкие слова. Жанна посмотрела, что написано на первом листе:

Часть 1. Дневники

Дневник Дантаръен Вердем

Дневник Сетанеля Ларентоль

Дневник Маркунта Вердем

Часть 2. Воспоминания

Воспоминания Эллиота Ларентоль

Воспоминания Изабель Лескосс

Воспоминания из деревни Миканон: Аэлтан и Коринна

Часть 3. Вальдэрьян и Олван

Жанну чрезвычайно заинтересовало прочитанное. Она никогда не встречала таких странных имен и подумала, что, наверное, это какая-то интересная книга. Наверное, даже, это какая-то фантастическая книга, где все герои живут в дивном саду, где круглый год цветут розы, и нет метели.

«Нет, скорее это роман» – подумала Жанна и обрадовалась.

Потому что, никто до сих пор не разрешал ей читать романы.

«Нет, – подумала Жанна – пусть это будет приключения».

Она перевернула страницу. Вспомнила, что уже где-то читала такое имя Вальдэ-рьян.

«Или слышала? Точно! Его произнесла сегодня тетя Эбба. Нет, она такого имени точно не произносила. Она сказала. Она сказала Вальдэ. Часть имени. Она произнесла часть имени».

Жанна почувствовала себя знаменитым сыщиком.

«Скорее всего, это какие-то унылые исторические сведения, ведь тетя Эбба работала в библиотеке. Наверное, кто-то из близнецов переводит рукописи для нее. Странно, правда» – подумала Жанна.

И еще, произнесла те же слова, но уже собачке на ножке диванчика. Странно, мама раньше была стюардессой, но Жанна не застала это время. Зато видела много фотографий, где мама в форме стоит рядом с самолетами. Раньше самолеты были маленькие, и, наверное, в них помещалось совсем мало людей. Зачем маме было становиться стюардессой для такого самолета? Гораздо лучше было стать ею сейчас. Тетя Эбба говорила, что работала в историческом музее, а потом секретарем. Говорила однажды, что они познакомились с Трау на работе. Тетя Мария была швеей, а потом работала в театре. И тоже, где-то на работе познакомилась с Трау. Видно, Трау пришла к ней на выступление. Но чем занимались близнецы, или хотя бы даже Трау, ведь про Эрди никто ничего никогда не говорил, Жанна не помнила.

«Упоминали ли когда-то об этом? Наверное, нет. Но в итоге, выходит, кто-то из них, наверное, тоже историк».

Жанна начала читать.

Каждая осень начинается одинаково. Сначала, она обманывает тебя все еще теплыми, насыщенными солнцем и светом, деньками, а потом, дает подножку первым сильным дождем. Этот дождь очень холодный, практически, ледяной. А еще, она отнимает лето. Кажется, что летом и мысли приходят как-то ровнее и красивее. Ведь они наполнены ароматом цветов и зеленого леса, а облака дарят им красивую воздушную упаковку из сахарной ваты. Вообще-то, я не люблю лето. Это я так. Начинаю читать письмо одной своей незадачливой знакомой. Летом мои мысли плавятся под бесцветным палющим солнцем, в окружении обрывков жалких облачков, на небосводе моего грязного и пыльного города.

Вердем – это лишь нечто, отдаленно напоминающее город на самом деле. Он возник, приблизительно, 80 лет назад на месте моего предыдущего города. Точнее того, что от него

осталось. Хотя, я все еще нахожу остатки прошлых времен в развалинах зданий. Вчера, например, я нашла маленькую монетку с изображением Эллиота и красивую голубую брошку. Несмотря на голодную неделю, ну, почти голодную, я решила находки оставить при себе. Хуже всего было то, что города, которые я называла своими, что новый Вертдем, что эти старые развалины, были моими лишь в моем воображении. Я нигде не была своей. Я совсем не относилась ни к прошлой эпохе, с Эллиотом во главе, ни к голодному мраку «Нового Времени», во главе со странным правителем. Через месяц я хотела присоединиться к кочевому поезду через горы и несколько старых городов, чтобы понять, сколько еще разрушений принесла последняя война, и где еще остались живые жители...

...сегодняшний день я запомню надолго. После длительного кочевого перехода по выжженной земле, это, конечно, оказалось глотком свежего воздуха, но и уничтожило остатки моего разума.

Он стоял рядом с табуном. Какие-то создания, отдаленно похожие не то на лошадей, не то на верблюдов. Рядом сновали люди в странной черной одежде. Но все это стало неважно, когда я увидела ЕГО. Хотя, теперь я понимаю, что было нечто неуловимо похожее в нем с Эллиотом, может даже, совсем иное. Нечто тяжелое, массивное и жесткое.

Дальше рукопись обрывалась. Жанне стало невероятно интересно, какие еще приключения ожидают главную героиню, и что это за мужчина, которого она узнала и не узнала одновременно. Следом Жанна услышала, как за дверью что-то упало. Она быстро подошла к двери, перепуганная больше тем, что все-таки кто-то мог застать ее за таким неблагоприятным занятием, как чтение чужих дневников. Жанна добавила прочитанное к списку «больших секретов» и выглянула за дверь. На полу, обмазанный сажей, сидел Цулифер. Он грозно посмотрел на Жанну. Она вдруг засмеялась.

– Боже, ты как Санта Клаус выпал из камина, должно быть. Где ты так испачкался?

Жанна увидела, как напротив библиотеки тихонько скрипнула и немного приоткрылась дверь. Цулифер издал неопределенный звук, похожий, одновременно, на рычание и мяуканье, и Жанна немножко испугалась. Узнавать, что там за дверью она не захотела, и побежала с котенком на руках в сторону большой столовой. Мысли немного перемешались, настроение немного улучшилось, и Жанна даже проголодалась. Кроме того, было очень невежливо с ее стороны не прийти на праздничный ужин, особенно, в Сочельник. Она вошла в столовую. Сегодня в столовой стоял огромный, дубовый, очень длинный стол. Он был заставлен таким количеством еды, что у Жанны в животе заурчало. За столом сидело не менее двадцати персон, а может быть, даже и больше. Не будет же она тыкать пальцем. Кого там только не было. Честно говоря, действительно, это были персоны. Тут были красиво одетые мужчины в костюмах-тройках и с огромными кошачьими головами; две львицы в красивых изумрудных платьях; один крокодил; а далее, пару людей и все в цветных очках; пустые стулья, а напротив тарелок, относящихся к этим стульям, прямо на столе на разноцветных бархатных подушках, сидели еноты; она увидела среди них знакомых ей енотов и помахала им рукой; один помахал ей в ответ, и Жанна улыбнулась. Тут же сидело четверо больших лис, и пятым – маленький лисенок. Все в причудливых костюмах – с жабо и с рюшечками на рукавах. Далее сидели еще какие-то женщины и мужчины, но Жанна никого из них не знала. Во главе стола сидела Трау. Жанне показалось, что она восседает, как королева, среди своей свиты. Она, по сути, никогда не видела Трау такой красивой. Короткие волосы превратились в длинные темные локоны. Она была в том же платье и с тем же кулоном, а на голове у нее была корона с какими-то черными камнями. Жанна пригляделась и увидела, что корона все-таки, скорее, изумрудная. Еще через секунду она стала синей, а потом ярко-красной. Кто-то подергал Жанну за подол платья. Она опустила глаза, увидела маленького человечка и радостно осознала, что они уже встречались

осенью в лесу. Человечек был празднично одет и с цилиндром на голове. Из цилиндра торчало красное перо.

– Это такой специальный камень, Жанна. – пояснил он. – Называется Альваллион, и каждый видит его таким, каким может увидеть его только одна пара глаз.

Жанна не успела задуматься, как он спросил:

– Какого цвета корона?

И Жанна сказала:

– Красного. Хотя, до этого, я видела еще несколько цветов.

Человечек задумался и тепло улыбнулся Жанне.

– Я и осенью понял, что ты волшебница. Носить и видеть такую корону могут только настоящие волшебники или волшебницы, все остальные видят только металлическое украшение.

Жанна почти ахнула. В ту же минуту, она размышляла, зачем ей, вообще, в будущем разговаривать с такими парнями, как Морис.

И ей отчаянно захотелось примерить такую корону. Раз она ее увидела, она тоже волшебница. Таким образом, Трау даст ей примерить ее. Она обязательно попросит.

– Жанна! Иди сюда – сказала Трау.

Жанна увидела, что рядом с Трау стоит пустой стул.

– Мы ждали уже! – сказала Трау. – Начинаем праздничный ужин!

Через некоторое время Жанна привыкла к странному столу; тем более, что угощение оказалось на славу.

Она как раз доедала свой десерт, когда решила задать один вопрос.

– Скажите, Трау, а вы знаете, в какой стране находится город Вертдем?

– Жанна, – произнесла Трау... и замолчала. Стоит отметить, что почти все гости за столом замолчали.

– А зачем вам в Вертдем, юная леди? – спросил самый старший лис.

И все зашептались за столом.

Жанна почувствовала себя неловко после вопроса. Наверное, не стоило его задавать.

– Так что вам нужно в Вертдеме, Жанна? – спросила леди по правую руку от Трау, в красивом желтом шелковом платье.

– Я Сенее – тут же представилась женщина, и тепло улыбнулась Жанне.

– Я Жанна, приятно познакомиться! – ничего лучше, конечно, для приветствия Жанна не придумала. – Знаете, мне... я где-то слышала такое название. Я не очень хорошо изучала географию, я только перешла в среднюю школу, извините.

– Но на карте Вертдем не найдешь – тихо произнесла Трау.

– Город забвения... Город оставшихся... – зашептались за столом.

– Жанна, Вертдем – это душная, пыльная дыра, где нет таких вкусных десертов, поверь мне – весело пробасил над ее ухом голос Эрди. – Это, по-моему, где-то в Америке или в Канаде.

Все за столом дружно закивали.

Трау нахмурилась.

Жанна опустила глаза и до конца застолья решила сидеть тихо.

А вокруг царил всеобщее веселье, все гости оказались очень шумными, каждый рассказывал что-то про свои недавние приключения, кто-то спрашивал про родственников, своих или чужих, кто-то просто сидел и уминал рождественский кекс, а крокодил в камзоле показывал фокусы.

Пожалуй, только фокусы и привлекли Жанну, хотя, пришла она в хорошем настроении. Она чувствовала, что Трау постоянно следит за ней, и не знала, как вести себя и что сказать. Эрди сидел на другом конце стола, не замечая ее, и постоянно шутил с лисами. Самый старший

лис держался за бока от смеха. Жанна знала только, что чувствует себя очень виноватой, и что Трау точно знает, что Жанна позволила себе копаться в чужих вещах.

Жанна иногда не понимала Трау. Часто ей казалось, что Трау нравится присутствие Жанны в Доме, и она рада девочке. А иногда, Жанне казалось, что Трау только и ждет какого-то подвоха от Жанны, и постоянно следит за ней.

Хуже всего было то, что Трау никогда не ругала Жанну. Они, вообще, общались, как хорошие друзья.

И в то же время, между Жанной и Трау, была какая-то дистанция.

«Но она же мне не мать» – подумала Жанна.

«А относится лучше матери» – прошептал внутренний голос.

– Ну что же, милая, перейдем в большой красный зал. Вы нам сыграете что-нибудь? – спросила дама в желтом шелковом платье у Трау.

– Я с удовольствием, Сенее. Но, может быть, немного позже?

– А красная комната уже готова, и принесли столы. Сначала фокусы!

– Жанна, ну что же. Ты можешь, немного посидеть с лисятами и младшим енотом и ложиться спать. Завтра Рождество! – вдруг наигранно весело пропела Трау.

– А вы на меня не злитесь, тетя Трау? – тихо спросила Жанна.

– Жанна! Солнышко! А что-то случилось?

– Нет – вдруг соврала Жанна. – Мне так показалось.

– Мы еще поговорим. – сказала Трау. – Сегодня так много гостей. А ты – наш основной гость, а я не уделяла тебе достаточно внимания. Но сегодня только первый день. Впереди еще длинная праздничная неделя!

Жанна увидела, как все дамы направились в сторону выхода из большой столовой, и Трау шла с ними, смеясь. Очень громко, как показалось Жанне. А потом, вдруг, она отделилась, и Жанна увидела, как Трау оказалась в темном углу перед дверью, которая служила вторым выходом из столовой. Она была заперта, и над окошком этой двери не горел свет. Жанна думала, что та часть Дома закрыта. Через эту дверь можно было попасть в ту самую часть, которую им с ребятами запрещали посещать осенью. К Трау подошел Эрди, они обнялись; и, вдруг, растворились просто в воздухе. Жанна, конечно, теперь знала, что Трау настоящая волшебница, но впервые увидела это волшебство в действии, так сказать.

«Эрди тоже, наверное, волшебник. – подумала Жанна. – Он тоже участвует в проделках Трау, и умеет свои фокусы вытворять, как Жанна уже убедилась на своем примере; а тут еще вместе с ней, Трау, исчез».

В столовой стало гораздо темнее, потому что гореть остались только светильники вдоль одной стены. Жанна поняла, что замешкалась, выходя, и немного увлеклась.

Жанна посмотрела в большое французское окно. На самом деле таких окон от пола до потолка в столовой было целых восемь и большая стеклянная дверь, которая выводила на задний двор. Жанна увидела, что дверь с другой стороны занесена снегом, и на заднем дворе совсем темно.

«А где фонарики?» – подумала Жанна.

И тут увидела, как мимо окна быстро прошла фигура в плаще с фонарем в руке, следом еще одна, а следом... в окно постучал костлявый палец. Жуткий, белый, и не палец вовсе, а косточка!

А потом, Жанна со страхом подняла глаза выше пальца, и увидела старуху. ТУ САМУЮ СТАРУХУ. Она стояла, плотно прижавшись к стеклу. Жанна увидела пустые глазницы, лохмотья на костях старухи и она, впервые за вечер, настолько сильно испугалась, что не могла двинуться ни на шаг, не могла ни закричать, ни убежать.

Старуха погрозила Жанне пальцем и покачала головой. Она отсоединилась от окна и пролетела по тропинке следом за фигурами в плащах.

Жанна вдруг почувствовала, что страх дошел до той самой точки, в которой тело приказало бежать.

А пока выбегала из комнаты, подумала, как невежливо она поступила, так и не поговорив с младшим енотом и лисами. И, что ее, очевидно, ждали, пока не дождались. Опять она оказалась слишком любознательной особой, и снова не оправдала оказанного ей доверия.

«Я в несколько раз хуже Виолы, раз сую свой, не столь уж точеный носик, везде, куда меня не зовут!» – огорченно подумала Жанна.

В столовой было очень темно. Еще секунду назад там горели светильники на стенах, а теперь, во мраке этой огромной комнаты ощущался полный покой. Будто и праздника не было вовсе, не было этого волшебного вечера. Самое плохое было то, что Жанна заметила, что и в соседней комнате, где должны были показывать фокусы, тоже не горел свет, и не было никаких столов.

«Сколько же я простояла тут?! – подумалось Жанне. – Я же всего на секундочку отвлеклась, увидела страшную старуху и бежала. Только не бежала, а на месте осталась стоять».

Жанну порядком выматывали подобные провалы.

Она подошла к стене и попыталась включить свет. Но выключатель не работал. Жанна вздохнула и подошла к столу, который был единственным светлым пятном на фоне всей комнаты, потому что, из огромных французских окон на него падал свет луны. Жанна подумала, что сегодня на небе не было Луны, и начиналась метель. Она выглянула в окно и поняла, что за окном и метели-то нет, потому что стоит за окном... примерно, ноябрь.

«Или октябрь. Или ОСЕНЬ! – подумала Жанна. – Но как?!»

Она посмотрела на стол в поисках свечи, подсвечника, чего угодно. Фонарика... Как осенью это случилось у Мориса, когда он провалился в старую кухню сквозь пол гостиной.

Но обнаружила старый канделябр в паутине. И отдернула от него руку. Жанна поняла, что контакт со старухой на пользу ей не пошел и теперь, она оказалась в месте, которое сложно назвать приятным. Может, это и вовсе не Дом, а может, это та его часть, в которую было велено никогда не заходить?

Вдруг, Жанна отчетливо поняла, что это точно не та же столовая. Это комната по другую сторону двери с окошком, перед которой исчезли близнецы.

Жанне стало еще страшнее. Посидеть тут и подождать. Пока чары пройдут. Просить помощи у Дома. Позвать Трау или Эрди, ведь они слышали ее каждый раз в страшном лесу прошлой осенью, и приходили на помощь.

У Жанны получился писк. Писк, вместо громкого призыва, потому что ей страшно было шуметь.

Она огляделась. Выходить точно никуда нельзя.

И так как проваливаться сквозь пол она точно не умела, как Морис, она решила просто еще подождать. Еще и еще. Часы пробили 12:12. Точнее, 12 минут за полночь.

Тут же Жанна услышала скрежет позади себя. Она резко отскочила и взгляделась во тьму. Там виднелась какая-то дверь, и скрежет издавала тоже эта же дверь. Будто кто-то водил чем-то по ней, а может это... костлявые пальцы?

Жанна побледнела, потом ее бросило в жар. Хорошая она волшебница, раз так боится темноты и странных звуков.

За окнами полил дождь.

Жанна, в конце концов, решила, что лучше всего подойти к двери, которая ведет в нормальную столовую и посидеть подождать под ней. Если эта дверь – портал, припомнила Жанна книжки, которые читала, то она рано или поздно снова откроется.

И под ней безопаснее – ведь она сразу находится и там, и по эту сторону.

Скрежет за дверью на том конце комнаты стал сильнее.

Жанна подумала, что вероятно ее огненные волосы давно стали белее снега, который должен был быть по ту сторону окна.

Она стала дергать ручку двери, под которой сидела и слышала еще один скрежет, только теперь он доносился из-за «безопасной» двери. Ее двери.

Жанна отпрыгнула от нее.

А потом, слышала скрежет повсюду. Он раздавался просто повсюду. Жанна, на удивление, на один грамм успокоилась, потому что у старухи, явно, не восемь рук на все четыре двери в этой комнате.

Или не четыре руки, даже, если бы она использовала по одной руке на каждую дверь. Жанна подумала, что размышляет о каких-то глупостях.

Скрежет стал затихать так же резко, как и начался; и тут Жанна увидела, как сбоку каждой двери в комнате, (а их было именно четыре), открылось потайное отделение, и каждое из них засветилось определенным цветом. Что именно подсвечивает эти отсеки, было непонятно. Цветов было тоже четыре: красный, синий, оранжевый и бледно-голубой, почти серый.

«Даже белый, скорее» – подумала Жанна.

Но следом за открывшимися отсеками, прямо из них, протянули свои костлявые пальцы сразу четыре кисти. Четыре страшные кисти скелетов. И Жанна вдруг закричала от страха.

Она стала бегать по комнате и колотить по стенам, по дверям и кричать. Она звала и Трау и Эрди, и маму. Но никто не отзывался. Жанна села на пол и заплакала.

Вокруг была темнота, и только маленькие кусочки пола под дверями подсвечивались разными цветами от отсеков в стенках.

Жанна постаралась успокоиться, понимая, что слезами горю не поможешь.

Она снова осмотрелась. Уже спокойнее.

По периметру комнаты находилось четыре двери. Та, под которой она сидела до этого; потом та, откуда донесся скрежет в первый раз; и еще две двери, которые Жанна ранее не заметила, а отсчитала, только когда испугалась скрежета.

Жанна внимательно рассмотрела руки скелетов, и поняла, что в каждой руке торчит ключ.

«Почему, вместо того, чтобы оценить ситуацию, она испугалась, как маленькое дитя и бегала, кричала и плакала? Ведь ключи от дверей... всего в секунде от выхода, она поддалась панике! Правда, чтобы эта секунда наступила, придется взять ключ из руки скелета».

Но с этим Жанна твердо решила справиться.

Оставалось только понять, с какой руки начать.

Наверное, с самой ближней к ней. С той двери, под которой она просидела, в надежде выйти.

Жанна замешкалась перед дверью и протянула руку к руке скелета. Как только она не тянула ключ, но ничего у нее не получалось.

Взять ключ оказалось совсем нелегко.

И секунда растянулась сразу в несколько минут бесплодных попыток получить ключ. Жанна попыталась забрать ключи у всех четырех кистей, но ничего не выходило!

Она опять испугалась. Как всегда – вот оно вроде бы решение, а нет его на самом деле.

Жанна огляделась снова и уселась на пол. Она осмотрела свое платье. Оно стало каким-то блеклым и несуразным. Все какое-то странное и страшное в этой комнате. Она снова посмотрела на двери. Ну, должно же быть какое-то решение! И она додумается, как выйти из положения.

Жанне вдруг стало неудобно, что она испортила пылью платье и даже разорвала его в одном месте. Дырочка была совсем маленькая, но все же.

Она услышала новую порцию нарастающего скрежета. Из отсека синего цвета стало что-то вылезать. Помимо кисти! Ну, прямо ЧТО-ТО, иначе и не описать. И оно издавало странный писк.

На самом деле, кисть удлинилась до размера половины туловища скелета с такими же впавшими глазницами, как у старухи, но тут уже синего цвета, в цвет отсека.

Глазами служили яркие синие камни.

Жанна заинтересованно посмотрела на туловище и впервые поняла, что ей стало слегка... интересно.

И страшно тоже, но она вспомнила, как прошла целый лес призраков и чудовищ осенью, и поняла, что скелет в целом, непонятно, сможет ли вылезти из своего отсека, но он, по сравнению с большим количеством духов, вряд ли является большой армией.

«Только, если и по всему периметру не скелеты» – подумалось вдруг Жанне.

Она поежилась и подошла к скелету.

– Добрый вечер, уважаемый господин. – произнесла она. – Я очень извиняюсь, но мне, почтенный господин, необходимо выйти из комнаты. Вы не могли бы мне отдать ключ?

Она подумала, что господин, явно, почтенный, потому что он скелет, а значит, давно умер и должен быть очень стар.

Скелет повернул голову к ней и рассмеялся пустым ртом.

– Почему я должен давать тебе ключ, учтивая девочка? Я не отдаю ключ от волшебной двери просто так! Что ты умеешь делать?

Жанна замешкалась с ответом.

– А что необходимо сделать? – немного неуверенно спросила девочка.

– Сыграть со мной в игру-загадку и, если ты выиграешь, то я тебя угощу!

– А можно, если я смогу выиграть, получить ключ от двери?

Скелет вдруг дернулся к девочке и злобно прокричал:

– Тут я устанавливаю правила, смертная!

Жанна, не очень воодушевленная резкой переменной настроения скелета, поспешила извиниться.

– Так ты готова играть в мою игру?

– Готова! – прошептала Жанна.

– Что белое? – спросил скелет.

– Белое...? – переспросила Жанна.

– Белое, белое! Зачем ты переспрашиваешь! – снова закричал скелет.

– Снег белый, зима белая, розы в саду белые... – стала перечислять Жанна.

– Нет, нет, нет. Все это неверно! – сказал скелет. – Это все не белое, а другого цвета.

– Но я не знаю, что ответить. Условия загадки непонятные и не точные. Что белое? Я не знаю, что еще белое, или что должна ответить. В загадках стихи, обычно; есть рифма, какой-то вопрос. Намек, что ли... на то, что могло бы быть белым! – недовольно пробурчала Жанна.

– Хорошо, – нахмурился скелет – что может быть белым и пахнуть?

– Роза может быть белой. – сказала Жанна. – Я уже называла.

– Нет, это не роза.

– Что распускается в саду прекрасного и очень старинного замка весной?

– Сакура, орхидея, я не знаю. Какого замка? Этого? Он не настолько старинный. – сказала Жанна.

– Ты ничего не знаешь, и не стоишь того, чтобы я тебе отдавал ключ.

– Спорим, вы не умеете сочинять стихи! – сказала Жанна и скрестила руки на груди.

– Я не спорю с тобой, девчонка! Ты не угадала, и значит, я не отдам тебе ключ!

– Так нечестно! Фата. Белой еще бывает фата у невесты и ее платье. – тихо сказала Жанна, вдруг вспомнив, с какой радостью мама собиралась в поездку с новым кавалером.

Еще Жанна отчетливо поняла, что именно ее так сильно беспокоит все последнее время. Беда в том, что она отчаянно боится того, что мама снова выйдет замуж, и Жанна останется совсем одна. А потом, мама скажет, что у нее будет братик или сестричка, и тогда Жанне ничего не останется, как уйти совсем, например...

– ... в монастырь – вслух сказала Жанна.

– Что, что ты сказала? – переспросил задремавший скелет. – Монастырь там тоже есть, только не монастырь, а спальня и костел. Королевский, между прочим. Ладно, ты почти угадала. А цветет белым там сирень. Каждую весну она источает такой невероятный аромат. И фата тоже была там в тот день. И одной девочке там было также грустно, как и тебе. И у нее был брат.

«Все читают мои мысли в этом Доме, но никто не знает, как помочь» – подумала Жанна.

– Хорошо, выпей вот это и проходи.

Жанна уставилась на протянутый ей бокал. В нем была налита какая-то синяя жидкость, и она переливалась в свете Луны.

– Что это? – спросила Жанна. – Я ничего не хочу пить!

– Это то, что поможет взять ключ! – хитро сказала скелет. – Ты какой вкус хочешь? Яблочный, смородиновый или сливовый?

– Сливовый пусть будет.

Жанна вдруг засмеялась. Она стоит уже полчаса перед дверью с говорящим скелетом и торгуется с ним насчет прохода через дверь. Таким приключениям любой позавидует.

Жанна протянула руку и взяла бокал. На вкус жидкость была, как настоящий сливовый сок. Жанна выпила все до дна, и скелет протянул ей ключ с синей веревочкой.

– Не потеряй! А то не сможешь вернуться! – сказал он и со скрежетом стал проваливаться обратно в стенку.

Жанне подумалось, какие еще сюрпризы хранят стены поместья. И кто еще может в них жить.

«Но об этом лучше не думать в этом месте» – отругала она сама себя.

Девочка покрутила в руке ключ. Он был очень старый и очень тяжелый. С веревочки спускался маленький синий камушек, и он тоже переливался в лунном свете.

Жанна досчитала до трех и вставила ключ в замочную скважину. Прокрутила один раз, потом два, потом три. Крутить пришлось шесть раз!

Дверь со скрипом отворилась и Жанна ахнула.

Впереди она увидела цветущий сад, и дивный аромат долетал даже до порога двери.

За садом виднелась дорожка, и она вела точно к старинному замку, с причудливыми крышами. Состоявшему из нескольких замков одновременно, похоже! Или Домов...

Жанна без опасений ступила за порог двери, открывавшейся синим ключом.

Дверь позади нее захлопнулась и растворилась в воздухе.

– Ты кто? – вдруг услышала Жанна за спиной.

Она обернулась и увидела девочку примерно ее лет, в голубом платье. Платье было грязное и порвано в нескольких местах.

Волосы девочки растрепались, хотя с левой стороны торчал гребешок с драгоценными камнями. Жанна не сомневалась, что они драгоценные, потому что они так сияли на солнце, что практически ослепляли. Видимо, он был маяком останков прически, в этом океане густых темных волос.

На пальчике девочки было надето кольцо, с синим камнем.

– Это топаз! – сказала девочка.

Правда, сказала как-то странно.

«Старинно, а не странно, как и весь ее наряд» – подумала Жанна.

– Наш фамильный камень. – добавила девочка.

– Кто ты и что тут делаешь? – снова спросила она. – Я тебя раньше не видела. И что это такое странное на тебе надето? – сказала она. – Хотя, мне нравится. Из какой ты страны?

Девочка постоянно что-то говорила и спрашивала.

Жанна немного не поспевала за ходом ее мыслей.

И только собралась ответить, как девочка протянула руку к ее брошке.

– Это же мамина! Где ты ее взяла? – вдруг закричала она. Синие глаза сверкнули гневом.

– Яков! Яков, где ты? Подожди тут! – приказала девочка каким-то слишком властным и резким голосом.

Жанна остановилась, как вкопанная.

Вдалеке замаячила высокая фигура.

– Ваши высочества! Где же вы? Пора заниматься! Обеденный перерыв закончился!

Девочка с синими глазами скрылась в зарослях кустов необычного сада. Только сейчас Жанна поняла, что это даже не совсем сад. Для сада он слишком мал. Это нечто, напоминающее аллею. И, в то же время, засаженную так густо, что ничего не видно за деревьями и кустами.

Кусты зашевелились, и сквозь листья и ветки Жанна увидела пару карих глаз, точнее, она увидела один карий глаз, второй закрывала длинная темная челка. Мальчик хмыкнул и вышел из зарослей.

Это был мальчик.

И следом вышла странная громкая девочка.

Жанна окрестила ее именно громкой.

Они встали рядом друг с другом и взялись за руки.

Жанна отметила, что они младше ее. Оба ребенка были зеркальным отражением друг друга. На мальчике была белая рубашка (тоже порванная и грязная, надо отметить), синий камзол и штанишки.

– Кто это, Тереза? – спросил, очевидно, Яков.

– Она не назвалась! – сказала Тереза и нахмурилась. – Но у нее мамина брошка! Та, которую мы искали несколько дней подряд и обвинили кота!

– Из-за тебя, девчонка, обвинили кота! – высокомерно добавила Тереза.

– Я тебе не девчонка! – обиженно воскликнула Жанна.

– Замолчи! – вдруг взвизгнула девочка Тереза. – Не смей повышать голос на принцессу!

Кто ты и откуда тут взялась?

Жанна не собиралась отвечать, но взглянула на мальчика, и заговорила.

– Меня зовут Жанна. Я из замка, за дверью с синим ключом.

– Что за дверь? – спросил мальчик, улыбаясь.

– И где она? – спросила высокомерная Тереза.

– Вы, принцесса, прямо как Виола разговариваете! – воскликнула Жанна.

– Не знаю никого с таким гадким именем! – сказала Тереза в ответ.

– Должно быть, твоя подруга Виола ужасная неряха, так звучит это имя. – добавил мальчик. – А неряхи везде разбрасывают свои вещи!

Жанне показалось, что она где-то уже слышала о неряхах и их связи с именем Виолы. И слышала даже сегодня вечером.

Но времени думать не осталось.

– Ташим ее в домик, свяжем, а после уроков продолжим допрос. – предложила Тереза.

– Угу – согласился Яков.

Жанна испугалась.

– Не надо меня тащить! Отстаньте. Я вообще не из вашего мира!

– Не из нашего, а мамина брошка при тебе! – сказал Яков.

– Я, кстати, не представился, – важно, как индюк, сказал он. —

Я Яков...

– Людвиг Хенрик. Он – будущий король; и, по совместительству, мой брат, а я королева.
Будущая. – закончила за него сестра.

– В общем, это Яки – сказала Тереза.

«В общем, дядя Эрди» – прозвучал в голове Жанны голос Трау.

Жанна точно уже слышала подобное «представление».

«Только вот, от других близнецов» – подумалось ей.

– А ваша фамилия? Ваша фамилия, может, Айхенвальд? —неожиданно для самой себя, спросила Жанна.

– Нет, это фамилия нашего кузена. Ты знаешь Карла? – спросила Тереза.

– Карл – мерзкий типок, – продолжил Яков. – Жаль, что скоро он придет.

– Угу, – теперь сказала точно так же, как Яков, и Тереза.

– Тащим ее в домик, все равно – скомандовала она.

– Да, в любом случае этого не миновать, миледи – весело засмеялся Яков. – Тем более, раз вы дружны с нашим общим врагом!

Жанна не успела опомниться, как из рук детей начали виться веревки из лиан и опутали ей ноги, руки и туловище.

– В домик! – приказала Тереза.

– А вы не знаете дядю Эрди...

«А, не дядя, просто Эрди» – одернула себя Жанна в голове.

– Эрди? Что? Это тебя так зовут? – рассеянно сказала Тереза.

– Да нет, она Жанна! – одернул ее Яков.

– Ааа... – протянула Тереза. – Ну да, я забыла уже.

– Нет, мы не знаем дядю Эрди. У нас нет дяди с таким именем. – сказал Яков.

– Это твой дядя? – спросила ее Тереза.

– Нет! Да нет у меня дяди! – раздраженно воскликнула Жанна.

– Ты, вообще, и сама, как необразованная неряха, ничего не знаешь и задаешь глупые вопросы. Может, это ты Виола, а не Жанна? – спросила Тереза.

– А Трау вы не знаете? – настойчиво спросила Жанна.

– Трау? Может Трауте? Необразованная совсем, нет такого имени – Трау! – сказала Яков.

– А, вот и есть, – сказала Жанна.

– А, вот и нет! – хором ответили близнецы

– Вы – несносные детишки! Невоспитанные, заносчивые и мерзкие! – сказала Жанна и упала, споткнувшись – Я старше вас! Отпустите меня!

– А вот и не старше, – сказала, возвышаясь над ней, Тереза. – Сколько тебе лет?

– Мне почти 14 лет! – сказала Жанна.

– А, мне 720 – сказала Тереза. – Я явно старше!

– А мне еще больше, – важно сказала Яков – Мне уже целых 800 лет!

– Да что вы говорите такое? Прямо древние старцы! – засмеялась Жанна. – Это игра такая?

– Нет, это не игра – серьезно сообщили близнецы.

– Тереза! Тереза! Вот я тебя найду! – пропищал чей-то неприятный голос. Он, правда, и пищал и кричал одновременно. Жанна поежилась.

– Фу – сказал Яков.

– Не пойду! – сказала Тереза.

– Тереза! – как гром, раздался второй голос. – Тереза!

– Пойду, – смущенно пропищала Тереза – Я тут, папа!

– Яков, пошли со мной! Быстро! Кинь девчонку, потом разберемся!

– Развяжите меня! – воскликнула Жанна.

– Оно само развяжется... – успел ей сказать Яков, и дети побежали к замку.

Жанна удивленно смотрела вслед близнецам. И подумала, что когда Тереза вырастет – станет настоящей красавицей. Даже в испачканном платье, эта маленькая девочка выглядит, как принцесса!

«А вот мне, никогда не стать принцессой» – подумала Жанна.

Она осмотрелась вокруг. Зачем скелет отправил ее сюда?

Цель явно должна быть где-то рядом.

«А может, просто посмотреть» – подумала Жанна.

И увидела в конце садика целые заросли белой сирени. Это она источала дивный аромат. Жанна вспомнила про белое. Значит, надо идти к сирени. Она прошла вдоль и поперек все кусты, но не заметила ничего примечательного. Зато, нашла кусочек платья принцессы Терезы.

Жанна твердо решила, что осмотрит замок. Ее всегда так сильно манили такие постройки.

И пошла по тропинке вперед. Она, правда, не знала, что скажет, если ее заметят, и как объяснит свое появление, но ей стало все равно. В любом случае, это – фантазия.

«Как и многочисленные фантазии Трау, – подумала Жанна. – Интересно, какое значение эти дети имеют для Трау. А главное, что сейчас за век? Какое время?»

Она услышала бой часов. Он был очень громкий. Часы висели на стене замка. Рядом располагалась часовня и костел. Его красивые белоснежные шпили вонзались в облака, которые плыли по небу. Как тут красиво! Жанна с удовольствием осталась бы тут на пару часов, захватив книгу.

«Интересно, а вернуться-то можно снова?» – подумала она.

На дворе явно стояла весна.

Весну Жанна очень любила.

Даже больше зимы, пожалуй.

Жанна подошла к большому французскому окну, что выходило в сад. Рядом была дверь.

«Похожа архитектура этого здания, на окна и дверь на задний двор в Доме Трау и Эрди. Будто отсюда они и прилетели в их Дом – подумалось Жанне. – А, кто знает? Трау – великая волшебница, и у нее все может быть реально».

Сам замок располагался на возвышенности. На холме, если быть точнее.

Жанна всмотрелась в окно, и увидела роскошную комнату.

«Как дворец! – подумала она. – Невероятно красивая мебель, красивые шелковые обои, на которых изображены птицы, обезьяны и экзотические растения. В углу комнаты стоит клавишник, а над ним висит портрет близнецов. Они очень забавные и милые, в платьях, в рюшечках, наверное, очень маленькие. Тереза в чепце. А Яков в колпачке для сна. Как в старые времена. Кто же они? Тереза и Яков. И почему Трау хранит воспоминания о них, за тайной дверью своего настоящего Дома».

Жанна вдруг весело подумала, что близнецы – это не просто два ребенка. Это целый смерч приключений, заключенный в двух людях одновременно. Интересно, а Трау и Эрди тоже были такими же забияками? И решила даже спросить у Трау, не издевались ли они над ее мамой с перетаскиванием в домик на дереве, например. Они же дружили с шести лет, вспомнились Жанне слова Эрди.

Жанна вошла в комнату через стеклянную дверь.

Прошла дальше и попала в коридор. Он был обшит дубовыми панелями, и на протяжении всего коридора висели портреты.

Жанна без большого интереса рассматривала изображения на картинах, пока не дошла до конца коридора. В самом конце висел небольшой портрет и очень старый, судя по всему.

«Наверное, это родоначальники данной династии, – подумалось Жанне – раз портрет такой старый».

Она с удивлением обнаружила на портрете странно одетую женщину с темными волосами и синими глазами, как у Терезы. На шее у нее висел витой кулон, совсем как у Трау за ужином. Жанна сразу узнала эту тонкую вещицу. Внутри кулона горел синий камень. Женщина была очень красивая. И чем-то, отдаленно напоминала саму Трау. Она стояла, улыбаясь бледному мужчине в черном костюме, с длинными белыми волосами, и карими глазами. Он слегка приобнял ее. Он выглядит, как принц. У мужчины были слегка удлинённые, заостренные уши. Под портретом было написано:

«Вальдэрьян и Олван. 920 г.»

«Ого! – подумалось Жанне. – Это же целую вечность назад. Наверное, и, правда, это родоначальники. Ну что же, красивые глаза – фамильная черта этого рода».

А потом, Жанна вспомнила, где уже слышала эти имена. Точнее, читала. Прочитала эти имена в рукописи на столе Эрди.

Какое совпадение! Значит, они занимаются изучением этой королевской династии и, наверное, Трау и Эрди – историки, как Эбба.

Теперь все встало на свои места. Наверное, этот портал специально открывает дверь в этот замок, чтобы получше изучить данный королевский род.

«Надо же! – подумала Жанна. – Все книжки и учебники по истории так пишутся, интересно?»

Она прошла из коридора в следующую комнату и тут же отскочила в сторону большого шкафа. Выглядывая оттуда, она увидела, что в комнате стоит Тереза в панталонах и рубашке, с волос стекает вода, и она кричит не переставая. И плачет. А рядом, стоит примерно шесть служанок, и какая-то темноволосая женщина в короне.

– Тереза! Мне надоели твои проделки! Ты будешь наказана. Сколько можно. Мы ожидали важных гостей, а теперь гости ждут нас, потому что ты и брат прибежали, как две свинки из города. В разорванной одежде и грязные, как те же самые поросята. Я разъединю вас на время, чтобы вы немного привыкли. Да и вообще, что же это такое! Уроки не доучены оказались сегодня. После обеда вы так и не вернулись в зал занятий! Это все твой скверный характер. И твой брат – он не должен гулять с девчонкой все время. Ему пора учиться дальше. А тебе пора учиться своим наукам.

– Вы не посмеете нас разъединить! Я такое устрою вам! – кричала Тереза. – Только попробуй меня закрыть без него, мерзкая тетка.

Королева, а это без сомнения была она, дала Терезе пощечину.

– Как ты смеешь так разговаривать со мной, Тереза? После всего, что я для вас сделала и делаю. И, персонально для тебя? Невоспитанное дитя. Ты как чертополох, и катишься, как перекати – поле! Вряд ли из тебя выйдет достойная королева. Никто не возьмет тебя в жены.

Служанки сочувственно переглядывались, опустив глаза.

Тереза сделала в следующую секунду немыслимое: она укусила королеву за руку и с визгом побежала по направлению к Жанне, а дальше, выскочила в коридор.

– Тереза! Тереза, вернись! Несносное дитя! Что же вы стоите? Ловите ее скорее! – приказала королева служанкам, и те кинулись вдогонку за принцессой.

Жанна задумалась:

«Зачем Тереза так обижает мать и обзывает ее. Видно, что мать любит ее и желает ей добра!»

– Отчего ты решила, что она желает ей добра, Жанна? – услышала она над ухом знакомый голос.

Оглянулась, но никого не было вокруг. Королева вышла в другую дверь, а служанки, судя по всему, занимались преследованием Терезы. Пока безуспешно, судя по охам и ахам.

При этом Тереза возмущенно вопила:

– Яков! Яков!

Жанна закрыла уши.

«Какая неприятная девчонка, эта Тереза».

Она сразу Жанне не понравилась.

– Она мне не мать! Не мать! – кричала девочка уже где-то над головой Жанны.

Повсюду слышался топот.

Жанна присела на краешек искусно сделанного кресла. Сейчас она ощутила, как устала за вечер.

Жанна вздохнула. Ей тоже иногда хочется укунить свою маму. И сказать, что она ей не мать, потому что мама ведет себя так.

Но это так неправильно. Жанна увидела в глазах королевы столько грусти! Тереза не дает ей даже слова сказать!

Жанна попыталась вспомнить, когда последний раз разговаривала с мамой по душам, вела ли она себя достойно, или тоже была такой же несносной, как и злая Тереза?

С этими мыслями, девочка встала и пошла вперед. Она вышла в другой коридор, не в тот, по которому пришла. Потому что, несмотря на усталость, хотела исследовать этот красивый дворец и дальше.

Коридор тоже был обшит дубовыми панелями, и в конце коридора была витая лестница. Были еще двери, но Жанна решила подняться наверх.

На втором этаже были такие же огромные окна, возле них стояли вазы с цветами. Потолок был расписан узорами и ангелами, херувимами и животными, и был настолько красив, что у Жанны перехватило дыхание.

Она шла вперед и вперед, и вперед. Комнаты сменяли одна другую, и Жанне они уже стали не интересны. Одна была роскошнее другой. Повсюду сновали слуги, но они ее, почему-то, не замечали.

Жанна дошла до большого белого зала. Все тут было выполнено из мрамора. А посередине стоял трон.

На троне сидел сам король!

Рядом стояла королева и вытирала платочком слезы.

– Я стараюсь, и Вы видите это! – прошептала она. – Но поймите, девочка не хочет, и знать меня. Мальчик молчалив и вежлив, если я обращаюсь к нему. Но она всегда успеет его настроить против меня, и тогда, я бессильна что-то им приказать. Вы говорили, что я должна следовать своему доброму сердцу, но это дитя выматывает меня. Я не знаю, что с ней делать.

– Я понимаю, дорогая. Но это мои первенцы, и Вам необходимо наладить с ними контакт. Она перерастет. Возможно, мы сильно баловали ее. Но, это пройдет! Понимаете, она перенесла смерть матери сложнее, чем маленький Яков. Тот всегда был молчун и Вас примет, но через некоторое время. Это дети, ради Бога!

Королева склонила голову набок. Жанна подумала о том, что, и правда, королева не мать близнецам. И неудивительно! Они не похожи. Жанна не заметила этого, наблюдая за ссорой. А вот с королем очень похожи!

«Как горько, что близнецы лишились матери так рано! И вынуждены мириться с новой женой короля. Но, по-моему, так и бывало в те времена» – подумала Жанна.

Королева ушла, и король грустно уставился в окно. По саду, издавая дикие вопли, бегали оба близнеца, и уже около восьми слуг пытались поймать их.

– Тереза, Тереза! Ты такая несносная... – тихо сказал сам себе король.

А потом, он заметил Жанну. Он точно заметил, потому что уставился прямо на нее!

– Извините! – пропищала Жанна и добавила – Ваше Величество!

И даже сделала неуклюжий реверанс. Король захохотал.

– Этоделки Терезы? Как тебя зовут, девочка?

– Меня зовут Жанна!

– Какая ты интересная, Жанна. И как интересно говоришь. Расскажи мне что-нибудь.

– Я скучаю по своей маме – вдруг сказала Жанна. – И еще, мне нравится один мальчик, но я не нравлюсь ему – выдала все, как на духу, Жанна королю.

«Он ведь король, подумала она! Посоветует что-нибудь. Он ведь целой страной управляет!»

– Ну, а где твоя мама? – спросил король

– Она очень далеко, – ответила Жанна.

– Интересно, очень интересно... – сказал король.

– Ты из какого портрета? – весело спросил он.

– Я не из какого – сказала Жанна. – Я просто Жанна.

– Просто Жанна! – сказал король.

И рассмеялся.

По коридору послышался топот. И в тронный зал вбежали близнецы.

– Папа, папа! – закричала Тереза и кинулась к отцу. Яков тоже подошел.

– Тереза, я говорил с королевой, ты можешь вести себя чуточку получше сегодня?

– Нет, нет, нет! – Тереза мотала головой и вдруг сказала. – Она хочет разлучить нас с Яковом. Ей это так не пройдет!

Яков посмотрел на Жанну. И вдруг, махнул рукой. Жанна увидела, как комната рушится, и пол проваливается под ней.

Яков смотрит сверху, как Жанна летит вниз.

Тут же Жанна больно приземлилась на попу. И ударилась рукой.

Было очень больно, удариться вот так о каменный пол! Жанна подумала, что Яков вряд ли много лучше своей сестры.

Она осмотрелась. Уже понемногу входило в привычку ничему не удивляться в Доме близнецов Трау и Эрди.

Жанна, похоже, оказалась в зимнем саду.

И увидела сквозь окна, что уже закат.

Солнце багряным окрасило небо, и Жанна поспешно поднялась и отряхнула платье.

Она вышла из теплицы, и увидела, что все равно находится в саду.

Это был другой сад; не тот, в который она вошла днем через дверь. Неожиданно Жанна поняла, что с неба срываются хлопья снега.

Она снова не удивилась. Погода и время суток сменялись тут так же резко, как и в поместье Трау и Эрди. И Жанне это даже нравилось. Управляй, мол, временем, как хочешь.

Она увидела Якова в конце сада. Он стоял спиной, но она не сомневалась, что это он. Только теперь он был выше и явно старше. Король стоял, положив руку ему на плечо.

– Истинный король всегда холоден и мудр. Он принимает решения, руководствуясь не своим сердцем, а своей головой! – наставлял он парня. – Ты постоянно рядом с сестрой, а ведь ей это тоже не на пользу. Подумай о вашем будущем, о ее будущем! Ваши выходы порядком измотали весь дворец!

– Она не специально. Она просто не хочет замуж.

– И ты ей потакаешь! Ты – ее брат! Она слушает тебя, Яков!

– Знаю... – юноша грустно вздохнул.

– Разве ты сам не хочешь сестре счастья? Не желаешь ей добра? – уже более раздраженно спросил король.

– Вы сами знаете, папа, что я не переживу, если нас разлучат! – зазвенел голос Якова.

– Я казню завтра вашего нового друга! Не пристало вам водиться непонятно с кем.

– Одни казни! Вокруг одна смерть! Как всегда! Все можно решить казнью! – закричал Яков и обернулся.

Жанна молчала. Жанна, почти парализовано, уставилась на парня. Если бы Эрди был лет на пятнадцать младше сейчас, чем есть, то это было бы его лицо и его глаза, и все та же непослушная челка.

«Да как она сразу не признала сегодня днем, во встреченных королевских особах, близнецов? Просто, никогда раньше не представляла их в детстве».

Жанна стояла, оглушенная догадкой. Но, время не совпадало. Это был, примерно, XVII – XVIII век, судя по интерьерам и нарядам, которые она увидела.

«Это – его предок, очевидно?» – подумала Жанна.

– Я сам! Это я сам! Это все время я! – стал кричать Яков-Эрди. – Опять ты, мерзкая девчонка! – и махнул рукой в сторону Жанны.

Она, уже теперь наученная падением, упала в листья на полу, и ничего не произошло.

«Он не успел» – подумала она.

Яков-Эрди выскочил в зимний сад, а оттуда побежал в оранжерею. Жанна, не мигая, следила за тем, как ему навстречу выбежала девушка. Трау... Тереза. И обняла Якова-Эрди.

Жанна уже не удивилась.

– Нас никто не разлучит – сказала она ему.

– Никогда! – сказал он.

И они, обнявшись, исчезли.

Жанна этот трюк видела пару часов назад.

И в голове у нее стало мутиться от странного открытия.

«Я совсем устала!» – сказала себе Жанна и почувствовала, как на плечо легла чья-то рука.

– Привет, просто Жанна! – немного с грустью, сказал король.

– Привет! – так просто сказала Жанна королю, будто это был ее родственник или друг.

– Завтра мне надо казнить одного плохого человека, моя девочка!

– Он очень плохой? – спросила Жанна.

– Очень... Он испортил моих детей! А я так любил их. Они стали такие странные с возрастом. Тереза не смогла перерасти свои детские забавы. А теперь, из-за этого, может пострадать королевство и даже случиться война! Я уже стар, а мой первенец мужского пола не желает взойти на трон! И все эта Тереза. Иной раз, я думаю, что ее подменила после смерти матери злая колдунья.

– А если Вы не будете казнить того человека, – продолжила Жанна. – Что будет?

– Бывает, что я часами упрашиваю себя пощадить провинившегося. Придумываю, чем он был хорош... – сказал Жанне король.

– И что, тогда не казните? Милуете?

– Нет. Тогда казним его с особой жестокостью.

– Но почему? – удивилась девочка.

– Потому что он показывает, насколько слаб я бываю в своих убеждениях. А ведь я король. Люди надеются на меня. А я не могу совладать с собственной жалостью. Да и жалость приводит к той же самой виселице. Только висельник потом думает, что ему больнее, если вешают его на месяц позже запланированного.

– А потом, что делаете с повешенным? – нахмурилась Жанна.

– Да ничего, просто, со временем, о нем все забывают, будто и не было его вовсе никогда. Я заставлю Терезу присутствовать на казни завтра, ведь она привела его в город.

Жанна хотела сказать что-то еще, но ощутила, как ее схватили за руку. Вдруг, поднялся сильный ветер, и Жанна почувствовала, что он пробирает ее до костей.

– Жанна, где ключ? – прокричала Тереза.

– Ключ...? – зачарованно спросила Жанна, не понимая, как тут оказалась девушка. Исчез и сад, и король.

– Ключ, что дал тебе скелет в зале памяти? Где он? С синим камнем?

И тут Жанна осознала, что не знает, где ключ. Она так увлеклась, что, похоже, потеряла его...

– Ох, Жанна! – прокричала Тереза-Трау.

– Какой сейчас год? – вдруг спросила Жанна.

– ... что? – не нашлась сразу с ответом Тереза-Трау.

– Какой сейчас год, Трау?

– Я тут еще не Трау, – вдруг засмеялась девушка. – Это еще не скоро случится. 1688. Хочешь навсегда остаться в нем? – подмигнула она Жанне.

– Нет! – вдруг испугалась Жанна

– Не умеешь ты обращаться со временем, Жанна! – сказала Трау.

Они побежали по оранжерее, дальше вверх, потом вниз. И выскочили, через, практически, подвал замка дальше – на улицу.

«Задний двор» – подумала Жанна.

В стойлах стояли лошади.

Из одного выбежал Яков-Эрди, держа под уздцы лошадку.

– Скорее! – крикнул он.

Трау почти забросила Жанну на лошадь и села впереди нее, прищпорив коня.

– Я никогда не ездила верхом – со страхом воскликнула Жанна.

– Извини, дорогая, машин еще не придумали – сказал ей Яков-Эрди и рассмеялся.

И они поскакали вперед. Метель выла свирепым зверем, и Жанна зажмурилась глазами.

Сзади она слышала топот копыт еще одной лошади.

«Наверное, Эрди скачет сзади» – подумала она.

«Яков... Нет. Эрди. Нет. Яков».

Жанне показалось, что она провалилась в сон и очень сильно замерзла.

Они вдруг остановились. Яков взял Жанну на руки и куда-то побежал.

– Скорее! – кричала Трау уже своим голосом. Обычным голосом Трау. Так слышалось Жанне сквозь метель.

Ее красивые черные волосы развевались на ветру, а синее платье разлеталось во все стороны.

– Мне никак не найти портал! – прокричал Эрди.

Жанна огляделась, немного придя в себя. Она увидела перед собой какие-то постройки, хоть точно могла сказать, что еще днем тут был небольшой сад. Наконец, она почувствовала, как падает.

Значит, уже все, подумала она.

Жанна ощутила толчок и потеряла сознание.

Позднее, в саду поместья тети Трау.

– Жанна! Ой! Как она оказалась тут? Дверь так плотно занесло! Как она вышла? Другая часть Дома ведь закрыта?

– Она почти синего цвета! Как долго она лежала тут?

– Уже почти рассвет.

Кто-то даже сказал:

– С Рождеством!

Жанна силилась открыть глаза, но ничего не получалось. Она слышала мурлыканье и ощущала, как теплые, тяжелые лапы массируют ее грудную клетку.

– Уррррржасно! – промурчал Цулифер.

Он успел вырасти и теперь, и правда, был больше Герра.

Эрди поднял Жанну на руки и понес в Дом. Вокруг суетились гости. Кто-то предлагал снадобье, кто-то чай, кто-то просто сопереживал.

– Бедная девочка! Почему ты не обучишь ее ничему, Трау? Ваш Дом опасен для детей!

– У меня не было времени. И я не знала, что она, летящая по ветру, как и ее мать! – сказала Трау.

«Летящая по ветру...?»

Жанна опять провалилась в подобие сна, между реальностью и нереальным миром снов. Опять пришла ненадолго в себя.

– Как же остальные комнаты? – спросила она у кого-то.

– Да какие тебе комнаты, Жанна! – сказала Трау. – Тебе и одной хватило с головой. Меньше надо было страдать. И вышла бы спокойно. Зачем, надо было вспоминать маму и грустить? Веселое бы, что-то доброе, о маме вспомнила. Вызвала плохие воспоминания. Дом-то тоже стар! Бог знает что творит подчас!

– Это вы там были, да? В 168...9...нет! 1688.

– О чем ты, Жанна?

– Ну как же, я видела вас, тетя Трау. И дядю Эрди. Или предков ваших.

– Каких предков, Жанна? У тебя жар! Там просто сад, но есть ядовитые растения. Насочиняла. Еще и вышвырнула тебя комната так сильно!

В комнате Жанны наверху.

– Я за ней ухаживать не буду! – сказала Трау. – Я не знаю, как ухаживать за детьми!

Прошло какое-то время, и Жанна уже не ощущала такого холода. В комнате горел камин, и было очень тепло. Енот поил ее чаем. А домовый качал головой. В кресле, напротив кровати Жанны, сидела Сенее, все в том же желтом платье.

– Я помогу – сказала она.

– Спасибо! – раздраженно бросила ей Трау и вышла из комнаты.

Жанна чувствует тепло и засыпает. Ей снится мама, близнецы в королевском дворце. Цулифер скачет по маленькому саду и мяукает. Вокруг много кошек, нет, енотов. Сон путается, мысль сбивается.

Потом ей снится король на троне. К нему подходит страшная старуха, с впавшими глазами. Король обнимает ее, и она грозит пальцем Жанне. Снова. Но Жанна не боится.

Маленькие близнецы стоят на крыше дворца. Впереди них, стоит красивая белокурая женщина и показывает на звезды. Сзади ее толкает королева, которую Жанна видела за порталом. Тереза-Трау кричит. Яков-Эрди еле удерживает ее от того, чтобы она не прыгнула следом за мамой.

Жанна удивляется сама себе и рассуждает дальше:

«Это их мама? Почему мама? Нет, это их мама. Точно. У нее такие красивые синие глаза, совсем как у Трау».

Странно, что королевы нет. Хотя, только что, она толкнула маму близнецов. На крыше стоят только дети. И Яков плачет. Вдалеке видно зарево, и гремит пушка.

«Война?» Жанна не уверена.

Она плохо учила историю в школе. Что она, вообще, учила хорошо, кроме чтения книг?

Тереза поворачивается к Жанне и говорит:

– Когда ты маленький, кажется, что весь мир вращается вокруг тебя. А если это не так, то мир все равно должен так делать. Мы не ценим своих родителей, пока не потеряем их. Я всегда спорила с мамой и думала, что не люблю ее, пока, однажды, мамы не стало. И в дом пришла другая женщина: злая и нечестная. В жизни все познается в сравнении. Но мы не должны сравнивать своих родителей ни с кем, потому что они – одни такие. И с хорошими поступками, и с плохими, как нам кажется. Нельзя начинать жизнь, уже заканчивая ее. Нельзя, чтобы тебя вели дурные мысли. Они станут, вскоре, твоей неотъемлемой частью и уничтожат тебя. У тебя

хорошая мама, Жанна. Береги Хелле! Она очень переживает за тебя! А ты даже лишний раз не сходишь с ней в город.

– Я схожу! Я приеду и схожу! – кричит Жанна. И засypает.

Часть вторая. Рождество

Жанна открыла глаза. В комнате было очень тепло, камин все еще тлел. На столике возле кровати стоял остывший чай и компот. Жанна стала жадно пить. Ее, почему-то, замучила жажда. Она выпила и чашку остывшего чая, и стакан компота. Компот был сливовый.

«Никаких совпадений» – подумала Жанна.

Она осмотрелась вокруг. Жанна лежала на огромной кровати под изумрудным балдахинном. Цвет был именно такой: не зеленый, не салатный, не мятный, ни цвета зелени, а изумрудный. Скорее всего, в ткань были вшиты блестящие нитки.

Она утопала в подушках всех форм и размеров.

Над головой висел ловец снов. Он был выполнен из металлической проволоки и цветных перьев. Кроме того, складывалось впечатление, что перья постоянно добавляют, потому что торчали они со всех сторон.

На столбике кровати висел ажурный кулон Трау. Синий камень внутри него был очень блеклый. Скорее серый, или дымчатый.

Перед собой Жанна увидела каминную полку с кучей разных безделушек и фоторамок, а над камином висел портрет.

Этот портрет Жанна уже хорошо знала.

«Вальдэрьян и Олван. 920 г.»

Тут, правда, он был немного другой. Вальдэрьян, очевидно, это – ОНА, и она смотрит прямо на НЕГО. Они смотрят друг другу в глаза. Камень, в подвеске на шее Вальдэрьян, на картине изображен с синим сиянием.

Жанна подумала, что такая любовь способна пережить само время. Почему-то, в глазах Олвана она читала именно это. Она с грустью подумала, что ее никто не любит. И тут же вспомнила о маме. Мысленно, она пожелала маме доброго пути и хорошего отдыха.

Из огромного окна лился солнечный свет, и на верхушках деревьев было полно снега.

Перед окном стоит стол и диванчик. Стол завален книгами и прямо на книгах стоит печатная машинка.

По комнате, то тут, то там, стоят вазы с еловыми ветками и белыми розами.

«Наверное, это из сада» – подумала Жанна.

Она встала с кровати. Жанна поняла, что никогда не была в этой спальне.

«Думаю, это – спальня Трау, раз тут висит ее кулон».

Девочка прошлась по комнате, и заметила, что стенка за кроватью завешана рукописями, портретами, скетчами и, главное – обнаружила там открытку Мориса. Зайчики, все вместе, тащили шишки, и у одного на голове была вязаная шапочка синего цвета.

«Спасибо!» – было написано корявым почерком Мориса прямо по открытке.

Тут были марки, открытки из разных стран, просто почтовые конверты с разными адресами, оторванный кусок испанского разговорника, брошки, бусы. По балдахину свисали вниз орехи, конфеты и снова перья.

Эта комната была, как какой-то временной коробок, с кучей мировоззрений, историй и фантазий.

Жанна снова посмотрела на каминную полку.

На ней стояло пару фото. В целом, она не знала, кто эти люди, но пара фотографий очень привлекла ее. Было то самое знаменитое фото с оторванным краешком, который сейчас был примотан скотчем. На нем стояли Трау и Эрди. Сзади фото была надпись:

«Фотостудия. Мюнхен, 1942 г.»

Здесь же находилось фото дамы в старинном платье, под зонтиком, с котом на руках. В каком-то саду, позади огромного дома, увитого плющом.

На стуле рядом с дамой сидел джентльмен в старинном костюме. Эта пара тоже была близнецами, отдаленно напоминавшими Трау и Эрди. С обратной стороны фото было написано:

«Лондон, 1864 г.»

А под стеклом другой фоторамки, хранилась очень странная, похоже, газетная вырезка. Она была, явно, невероятно старой, чем и заслужила место под стеклом! На ней было нарисовано судно с пиратским флагом. Судно имело пробоины, и флаг висел как-то очень жалко.

По газетной вырезке тем же тонким, угловатым почерком, как и в библиотеке, было выведено:

«Братья Лафит, 1760 г.»

Прочитать весь заголовок статьи в газете было невозможно. Жанна разобрала слова: «казнь через повешенье», «Жак», «Жан», «корабль», «награбленное».

Жанна вспомнила игры Трау и Эрди в желтом зале, который стал на время океаном. Ну что же, романтично. Пиратство. А Жан, звучит как Жанна. Жанна гордо подняла голову над каминной полкой и сделала вид, что у нее есть огромная шляпа с пером.

«Пираты» – смутно припомнила курс школьной истории Жанна.

«Это же золотой век пиратства, по-моему, – подумала она. – 1760 год. Или до этого».

За каминной полкой стояла ваза с белыми розами. Это были очень молодые розочки. С салатowymi стеблями, и не раскрывшимися бутонами. Наверное, Трау спасла их от заморозков и метели. На стенке висело несколько овальных портретов давно минувшей эпохи.

Белокурая женщина с огромным париком на голове. Синее платье с корсетом. В парике торчит темно-синее перо, на шее ожерелье и на платье брошка, которую Жанна одевала вчера. Мать Терезы и Якова, никто другой.

Жанна сняла и перевернула миниатюру. Ничего сзади обозначено не было. Только несколько букв: ХР и РВ.

Рядом висела миниатюра картины, которую она увидела над клавесином во дворце. Близнецы – малыши, в чепцах и платьицах.

«Тереза и Яков» – подумала Жанна. И уверенно перевернула портрет. Сзади было написано:

«Тереза и Яков, 1672 г.»

Еще, тут висел портрет взрослой Терезы, с короной на голове, в роскошном платье. Рядом стояли шестеро маленьких детей.

«Значит, Тереза вышла замуж, и войны не случилось» – подумала Жанна.

Еще, Жанна подумала, что шестеро детей – это кошмар. И образ Терезы с шестью детьми не очень увязывался в ее голове. Да и Тереза была не совсем похожа на себя. Ну, может, это – братья и сестры, или другие дети. Раньше модно было так изображать знать на портретах.

Почему-то, под портретом стояло целое семейство... кактусов. Жанна любила только красивые цветы, и такой поворот ее обескуражил. Особенно, после белых роз по всей комнате. Некоторые кактусы уже отцвели. Но самый большой – цереус, как было указано на табличке, воткнутой в землю в горшке, только начинал цвести.

Жанна огляделась в поисках ванной комнаты. И увидела небольшую кованую дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.